

АМЕЛИ
КАРТЕР

КОРОНА
ПЕПЛА
И СЕРЕБРА

Амели Картер

Корона пепла и серебра

«Автор»

2026

Картер А.

Корона пепла и серебра / А. Картер — «Автор», 2026

Десять лет назад Серебряная Империя стерла с лица земли Огненное королевство. Лира — последняя наследница уничтоженного трона, вынужденная прятаться в трущобах под маской воровки. Каэлан Вейн — командующий имперской Гвардией и верный палач тирана, чья собственная магия порядка медленно отравляет его кровь. Они рождены, чтобы ненавидеть друг друга. Но смертельная ловушка не оставляет выбора: ради выживания врагам приходится объединить силы. Столкновение абсолютного контроля серебра и разрушительного хаоса пепла порождает аномалию — смертоносный Стекланный огонь, перед которым бессильны любые законы физики. Раскрыв кровавую тайну Серебряного престола, двое изгоев решают бросить вызов короне. Теперь им предстоит сплотить заклятых врагов — элитную гвардию и мятежников Огня. Цена предательства — смерть, а впереди их ждет штурм неприступной Цитадели. Выжжет ли их чувства рожденная в крови магия, или они сожгут старый мир дотла, чтобы править на его пепелище?

© Картер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пепел памяти	5
Глава 1. Искры под пеплом	8
Глава 2. Маскарад теней	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Амели Картер

Корона пепла и серебра

Пролог. Пепел памяти

Небо над столицей не горело - оно медленно, методично истекало кровью, задыхаясь в тисках чужой, безжалостной воли. Дворцовые своды Огненного королевства, веками хранившие в своих изгибах дыхание летнего зноя и горьковатый аромат плавленной смолы, рушились с сухим, предсмертным хрустом.

Восьмилетняя Лира сидела под обломками массивного резного стола в Большом Тронном зале. Она не кричала. Крик застрял где-то между легкими и гортанью, превратившись в твердый, царапающий ком. Там, за перевернутыми бархатными креслами, в лужах стремительно темнеющей крови лежали те, кого она называла своей вселенной.

Отец. Мать. Старший брат.

Она видела это собственными глазами, но детский разум отказывался сшивать фрагменты расколотой реальности воедино. Серебряные нити - режущие глаз, тонкие, как струны палача - прошили их тела с расчетливой, геометрически совершенной элегантностью. Никакой ярости в ударах. Никакой звериной страсти, присущей настоящей битве. Только абсолютный, стерильный порядок смерти. Серебряная империя пришла не завоевывать. Император Малакар пришел стирать их из истории.

Лира инстинктивно вжалась вглубь своего укрытия, стараясь слиться с тенями. Ладони заскользили по растрескавшемуся мраморному полу, пока не наткнулись на нечто мягкое. Невесомое. Рассыпчатое.

Пепел.

Все, что осталось от огромного гобелена с гербом Эмбервиндов, за секунду испепеленного чужой алхимической вспышкой.

Пальцы девочки рефлекторно, в поисках хоть какой-то опоры, сжались на серой горстке золы. В то же мгновение мир вокруг с оглушительным треском вывернулся наизнанку.

Рев тысяч голосов ударил по барабанным перепонкам. Пространство Тронного зала растворилось, поглощенное чужими видениями. *Эхо.*

«Беги, Лирания!» - голос матери ворвался в ее голову, звонкий, отчаянный, сорвавшийся на болезненный хрип за долю секунды до того, как смертоносный серебряный шип пробил ей грудь. Лира увидела смерть матери от первого лица: вспышка агонии, угасающий свет, безмерный, парализующий страх за дочь.

Предсмертное воспоминание сгоревшего предмета хлынуло в незащищенный разум ребенка, безвозвратно выжигая право на детство.

А следом пришел он. Холод.

Это не был зимний озноб. Это был потусторонний, голодный мороз, зародившийся в самом центре ее естества, там, где раньше билась искра ее рода. *Серый хлад.*

Лира судорожно выдохнула. Из рта вырвалось густое облачко пара, моментально осевшее инеем на деревянных щепках. Кожа на кончиках ее дрожащих пальцев начала стремительно темнеть, приобретая пугающий цвет мокрого свинца. Чернота поползла вверх по венам, ветвясь и пульсируя, словно корни гнилого дерева, прорастающие сквозь живую плоть. Сердце забило медленнее. Удары стали гулкими, вязкими, растянутыми во времени. Тепло ее тела неумолимо уходило, вытягивалось по капле, становясь платой за пробудившуюся магию распада.

Она не знала, как этим управлять. У нее не было ни мудрых наставников, ни пыльных фолиантов. Она просто всем своим существом, до судороги в мышцах, захотела исчезнуть. Стать ничем.

И пепел послушался.

Когда тяжелый сапог серебряного гвардейца, чье лицо скрывала глухая зеркальная маска, отшвырнул обломки стола, под ними никого не оказалось. Ни испуганной принцессы, ни наследницы престола. Только облачко густой, едкой сажи, с шипением осевшее на его начищенный до блеска панцирь.

Теневая дематериализация, дикая и неконтролируемая, вышвырнула ее в узкий технический коридор, едва не выпотрошив легкие. Лира рухнула на каменные плиты, содрогаясь от ледяной ломки. Каждая клетка тела была, умоляя о глотке тепла. Зубы выбивали бешеную дробь.

Нужно уходить. Встать. Спрятаться.

Она ползла по темным галереям, прячась в нишах статуй, мимо которых каждый день бегала играть. Теперь у их подножий лежали искромсанные защитники дворца. Перед самыми служебными воротами, ведущими к черным ходам в Нижний город, девочка замерла.

Здесь располагался малый родовой очаг. Место, где поколениями танцевало негасимое пламя, питавшее саму суть их дома. Теперь там покоилась лишь стылая, мертвая зола.

Стиснув челюсти так, что заболели десны, Лира зачерпнула ее онемевшими, наполовину почерневшими пальцами и торопливо ссыпала в крошечный кожаный мешочек на поясе. Ее единственное наследство. Корона, обратившаяся в пыль. Последнее тепло предков, ставшее ее вечным проклятием.

Глухая подворотня на самом дне трущоб встретила ее запахом мокрого камня, гнили и нечистот. Лира забилась в самую глубокую щель между двумя перекошенными зданиями, сливаясь со зловонной темнотой. Прижав острые коленки к груди и обхватив их руками, чтобы удержать жалкие крохи тепла, она смотрела. Смотрела, как на горизонте умирает ее прошлое.

Высокие, гордые башни Огненного дворца, выстроенные из красного вулканического камня, одна за другой содрогались, подламывались у основания и с грохотом падали в ненасытную пасть ночи. Снопы искр взмывали к затянутому черным дымом небу, словно тысячи ослепших светлячков, пытающихся сбежать от неумолимой расправы.

Золотисто-карие глаза девочки, сухие, лишенные права на слезы, неотрывно следили за этим танцем уничтожения. В их глубине плясали отсветы чужого огня. И в них же медленно, тяжело, как остывающий металл, ковалась ненависть.

Башни горели. Горели бесконечно долго, освещая финал целой эпохи.

А потом рассыпались прахом.

Пламя окончательно угасло, оставив после себя лишь горький, царапающий вкус сажи на языке и фантомный алый свет, отпечатавшийся на сетчатке. Искры растворились в пустоте. Тьма сырой подворотни сомкнулась вокруг свернувшегося клубочком ребенка - плотная, удушливая, немая.

Тьма, длиною в десять лет.

И эта тьма все так же воняла прокисшим элем, отчаянием и крысиным пометом.

Девятнадцатилетняя Лира стояла в той же самой густой тени, лениво прислонившись спиной к влажной кирпичной кладке. Медного сияния над городом больше не существовало. Теперь небосклон жестоко испарывали холодные, острые, как хирургические иглы, шпили Серебряной цитадели, воздвигнутой на костях ее народа.

Она привычным, отработанным движением стянула с правой руки плотную кожаную перчатку. Кончики пальцев, от ногтей до первых фаланг, отливали мертвенной чернотой. След вчерашнего использования магии. Упрямое, въевшееся в плоть напоминание о том, что холод никуда не ушел. Он всегда здесь. Ждет, когда она оступится.

Лира достала из складок поношенного плаща стальной метательный нож. Покрутила его в тонких пальцах, виртуозно перекидывая с костяшки на костяшку, ловя узким лезвием тусклый, болезненный лунный блик. Губы, давно разучившиеся искренне улыбаться, дрогнули, складываясь в жесткую, хищную полуулыбку.

Огненного королевства больше нет.

Но пепел все помнит.

Глава 1. Искры под пеплом

Воздух Нижнего города имел вкус ржавчины, гнилых яблок и застарелой безысходности. Этот запах въедался в кожу, оседал на волосах, проникал в самые легкие, заменяя собой то, что нормальные люди привыкли называть кислородом. Столица Серебряной империи, выстроенная на костях уничтоженного Огненного королевства, представляла собой идеальный, геометрически выверенный механизм - там, наверху. В Верхнем городе, где шпили из полированного металла вспарывали облака, а улицы мыли с мылом и розовой водой. Здесь же, на дне, куда не доставал даже полуденный свет, механизм безжалостно ржавел, перемалывая человеческие судьбы своими скрипучими шестеренками.

Лирания Эмбервинд, которую на этих грязных улицах знали исключительно как Лиру-Ищейку, стояла в тени обвалившегося кирпичного свода и методично, до хруста в суставах, разминала пальцы.

На ней был привычный наряд: потертый плащ из темного, невероятно плотного шелка, когда-то украденный с купеческого обоза, жесткий кожаный корсет, туго стягивающий ребра и скрывающий под своими пластинами три метательных клинка идеальной балансировки, и тяжелые, подбитые железом сапоги. Но главной деталью ее гардероба оставались перчатки. Толстая, грубой выделки свиная кожа, пропитанная воском. Они не просто защищали руки от ссадин. Они скрывали ее проклятие. Скрывали ее медленную, растянутую на годы смерть.

В животе глухо заурчало, напоминая, что последней нормальной едой была черствая лепешка двое суток назад. Лира раздраженно цыкнула, поправляя выбившуюся из тугой косы медно-рыжую прядь. Голод был делом привычным, почти родным, как назойливый родственник, от которого невозможно избавиться. Гораздо хуже был холод.

Он жил внутри нее. Там, где у обычных людей билось горячее сердце и текла теплая кровь, у Лире зияла ледяная пустота. Серый хлад - плата за магию, которую она не просила, но без которой не выжила бы. Каждое обращение к пеплу, каждый шепот мертвых вещей, который она соглашалась выслушать, вытягивал из нее доли градуса. Ее базовое состояние теперь напоминало легкую стадию обморожения. И сейчас, стоя перед обугленным остовом того, что еще неделю назад было процветающей лавкой ростовщика, она чувствовала, как этот внутренний мороз начинает нетерпеливо покалывать кончики пальцев.

- Ты пришла, - раздался из темноты сиплый, сорванный голос.

Из-за обгоревшей балки вынырнула тучная фигура человека, закутанного в дешевое сукно. Варис. Мелкий контрабандист, скупщик краденого и, по совместительству, бывший владелец этой самой лавки, которую, как шептались в трущобах, подожгли конкуренты. Его лицо лоснилось от пота, несмотря на промозглую сырость переулка, а маленькие пороссячи глазки затравленно бегали по сторонам.

- Я всегда прихожу, Варис, если мне пообещали заплатить, - Лира отделилась от стены, двигаясь с бесшумной грацией уличной кошки. Ее золотисто-карие глаза ощупывали пространство, сканируя каждый темный угол, каждую кучу мусора на предмет засады. Паранойя спасала ей жизнь чаще, чем удача. - Пять серебряных марок. Вперед.

- Пять?! - толстяк возмущенно задохнулся, прижимая пухлые руки к груди. - Мы договаривались на три! Ищейка, ты грабишь несчастного погорельца! У меня ничего не осталось! Этот проклятый огонь сожрал дело всей моей жизни!

- Огонь ничего не жрет просто так, Варис. Ты перешел дорогу банде Хромого пса, когда продал им фальшивые имперские подорожные. Скажи спасибо, что они сожгли лавку, когда тебя в ней не было, - Лира остановилась в двух шагах от него, скрестив руки на груди. - Пять марок. За работу с пеплом недельной давности. Чем старше зола, тем труднее докричаться до

памяти. Тем сильнее отдача. Если тебя не устраивает цена, можешь сам разгрести эти угли и искать свой тайник. Желаю удачи. Я пошла.

Она сделала показательный разворот на каблуках. Это был дешевый, избитый трюк, но с такими, как Варис, он работал безотказно.

- Стой! Демон бы тебя побрал, стой! - он суетливо полез за пазуху, выуживая звенящий мешочек. Отсчитал пять тусклых монет с профилем императора Малакара и протянул их на дрожащей ладони. - Вот. Подай. Только найди мою шкатулку с долговыми расписками. Она была в кабинете... я не помню, куда я ее сунул в тот вечер, я был мертвецки пьян. А потом начался пожар...

Лира молча сгребла монеты в поясную сумку. Звон серебра на секунду заглушил гулкое биение ее собственного сердца.

- Стой здесь. И не смей подходить ко мне, пока я не закончу, - бросила она, переступая через натянутую поперек входа почерневшую веревку.

Внутри сгоревшей лавки пахло кислой гарью, мокрой древесиной и отчаянием. Дождь, шедший последние несколько дней, превратил пепел в вязкую, черную кашу, но Лира знала, где искать. Она безошибочно направилась в заднюю часть помещения, туда, где пол провалился в подвал, а стены щерились обгоревшими ребрами дранки. Там, в самом центре хаоса, находился эпицентр пожара. Место, где огонь был наиболее сильным, где он поглотил больше всего энергии, а значит, и памяти.

Она опустилась на колени прямо в грязь, не заботясь о плаще. Дыхание уже начало сбиваться, готовясь к неизбежному. Зубы крепко сжались. Правая рука потянулась к левой перчатке.

Лира стянула плотную кожу, обнажая кисть. От кончиков ногтей и до самых костяшек пальцы были абсолютно, радикально черными, словно вымазанными в свежей саже. Но эта сажа не смывалась ни мылом, ни песком, ни спиртом. Чернота въелась в саму структуру кожи, а тонкие темные вены, словно паутина, разбежались по тыльной стороне ладони, исчезая под рукавом рубашки. Это была мертвая плоть, которая каким-то чудом продолжала двигаться и чувствовать.

Закрыв глаза, она глубоко, судорожно вдохнула гнилой воздух и погрузила обнаженные пальцы в горстку сухого серого пепла, чудом сохранившегося под обломком массивного шкафа.

Удар.

Мир вокруг с оглушительным треском раскололся. Реальность рухнула, смытая ревущим потоком чужого прошлого. Воздух из легких выбило мгновенно.

Эхо сгоревшего. Психометрия пепла. Магия, которую в этой империи карали мучительной смертью.

Вспышка ослепительного, жадного огня ударила по зрительному нерву. Лира больше не стояла в руинах на холоде. Она *была* в этой комнате неделю назад. Она чувствовала, как пламя пожирает деревянные панели, как плавится стекло в окнах, стекая уродливыми каплями. Она слышала треск распадающейся материи. Огонь ревел, как живое, обезумевшее существо.

А затем сквозь этот рев пробились образы. Неясные, размытые, словно сквозь толщу воды. Вот пьяный Варис вваливается в кабинет. Его трясет. Он бормочет проклятия. В руках у него тяжелая железная шкатулка. Он оглядывается, словно загнанный зверь, падает на колени у камина. Лира видела его глазами, чувствовала его липкий страх, его пьяную панику. Он вытаскивает кирпич из кладки дымохода - третий снизу, слева от решетки. Заталкивает туда шкатулку. Возвращает кирпич на место.

А потом окно разлетается вдребезги, и в комнату влетает бутылка с зажигательной смесью. Взрыв. Боль.

Связь оборвалась так же резко, как и началась.

Лира отшатнулась, сдавленно вскрикнув, и завалилась на спину. Ее тело выгнулось дугой в жестоком спазме. Серый холод обрушился на нее лавиной. Это было не просто замерзание. Это было чувство, будто ей в вены залили жидкий азот. Температура ее тела стремительно падала. Кровь густела, превращаясь в ледяную крошку, царапающую сосуды изнутри. Губы мгновенно посинели, а изо рта с каждым рваным выдохом вырывались густые клубы пара, оседающие колючим инеем на вороте плаща.

- Ненавижу... - прохрипела она, скрючиваясь в позе эмбриона на грязном полу. - Как же я это ненавижу...

Пальцы свободной, одетой в перчатку руки отчаянно вцепились в собственное плечо, пытаясь вызвать хоть каплю тепла через боль, через физическое давление. Чернота на левой руке, казалось, стала гуще, пульсируя в такт замедляющемуся сердцебиению. Лире потребовалось несколько долгих, мучительных минут, чтобы заставить себя дышать ровно. Чтобы убедить свой организм, что она еще жива. Что Огненное королевство мертво, а она - нет.

Стиснув челюсти так сильно, что во рту появился солоноватый привкус крови, она неуклюже натянула перчатку обратно на почерневшую руку. Спрятать уродство. Скрыть проклятие. Сделать вид, что ничего не произошло.

Она тяжело поднялась, опираясь на обгорелую стену. Ноги дрожали, как после многочасового марш-броска. Каждое движение отдавалось тупой болью в мышцах.

Варис переминался с ноги на ногу у входа, не смея переступить порог. Его глаза расширились от ужаса, когда Лира вышла из полумрака. Ее лицо, и без того бледное, сейчас напоминало алебастровую маску покойника. Под глазами залегли глубокие фиолетовые тени, а во взгляде плескалось нечто настолько темное и мертвое, что контрабандист невольно попятился.

- Дымоход, - голос Лир звучал хрипло, словно сорванный ветром. Она закашлялась, выдыхая очередную порцию пара. - Третий кирпич снизу, с левой стороны от каминной решетки. Шкатулка там. Огонь туда не добрался.

- Т-там? - Варис сглотнул, заворуженно глядя на нее. Он всегда знал, что Ищейка - ведьма, но видеть последствия ее работы было невыносимо жутко. - Ты... ты точно видела?

- Хочешь пойти и проверить сам, или мне вернуть тебе твои вонючие монеты? - огрызнулась она, плотнее запахивая плащ. Ей нужно было уйти. Срочно. Найти безопасное место, развести крошечный огонь, выпить чего-нибудь обжигающе горячего, чтобы разогнать этот смертельный холод в венах. Иначе через пару часов она просто отключится в какой-нибудь подворотне, и тогда ее найдут либо крысы, либо городская стража. И неизвестно, что из этого хуже.

Не дожидаясь ответа, Лира обогнула толстяка и быстрым, пружинистым шагом, тщательно маскируя слабость в коленях, направилась в сторону Центрального Рынка Нижнего города.

Улицы трущоб встретили ее привычной какофонией звуков. Ругань торговцев, плач голодных детей в подворотнях, лязг копыт тягловых лошадей по кривой брусчатке. Здесь пахло жареными каштанами, кислым элем и немытыми телами. Лира двигалась в толпе, словно призраком, виртуозно уклоняясь от столкновений. Ее плечи были ссутулены, подбородок прижат к груди. Она старалась дышать неглубоко, чтобы пар изо рта не привлекал лишнего внимания.

Ей нужно было добраться до таверны «Ржавый якорь». Там подавали мерзкий на вкус, но невероятно горячий отвар из пряных трав. Этого хватило бы, чтобы поднять температуру тела до приемлемого уровня.

Она уже свернула на главную площадь рынка, лавируя между рядами с сомнительного вида мясом и поношенной одеждой, когда пространство вокруг начало стремительно меняться.

Это не было магией. Это была физика страха.

Сначала исчез шум. Не постепенно, а сразу, будто кто-то огромный накрыл площадь невидимым звуконепропускаемым куполом. Торговцы оборвали свои крики на полуслове.

Попрошайки вжались в грязные стены, стараясь слиться с камнем. Даже бродячие собаки поджали хвосты и забились под прилавки. Толпа людей, еще секунду назад напоминавшая бурлящий котел, замерла, сжалась и начала торопливо расползаться к краям площади, освобождая широкую центральную дорогу.

Лира замерла вместе со всеми. Внутренний холод мгновенно отступил на второй план, вытесненный острым, первобытным инстинктом выживания. Волоски на ее затылке встали дыбом.

Звук пришел мгновением позже.

Чет-раз. Чет-раз. Чет-раз.

Идеально синхронный, методичный ляг кованых сапог по камню. Звук абсолютного, бездушного порядка. Звук, от которого у любого жителя Огненного королевства до сих пор сводило челюсти и начинало тошнить.

Серебряная гвардия. Элита императора Малакара. Карательный клинок империи.

Лира отшатнулась назад, нырнув в плотную стену испуганных тел. Она прижала покрытые перчатками руки к животу, инстинктивно защищая свой главный секрет, и натянула капюшон плаща глубже на глаза. Сердце забилось о ребра, как птица, попавшая в силоч. Бежать сейчас означало привлечь внимание. Выделиться из толпы. Стать мишенью. Ей оставалось только стоять, смотреть и молиться своим мертвым богам, чтобы этот марш смерти прошел мимо.

Они появились из-за угла улицы Мясников. Два десятка гвардейцев в глухих темных мундирах. На их плечах зловеще поблескивали лаконичные металлические эполеты, а грудь защищали кирасы из сплава, который невозможно было пробить ни сталью, ни огнем. В руках они держали длинные алебарды с причудливо изогнутыми лезвиями. И над всем этим великолепием развевались стяги - полотнища цвета грозового неба, на которых были вышиты строгие, угловатые геометрические руны Серебряной империи.

Но не гвардейцы заставили Лиру задержать дыхание до звона в ушах.

Он ехал впереди отряда верхом на массивном, закованном в легкую броню вороном жеребце. Командующий.

Лира видела его впервые так близко, но знала о нем все. Трущобы шептались о нем с благоговейным ужасом. Каэлан Вейн. Цепной пес Императора. Человек, который не знает, что такое сомнение или пощада.

Он был пугающе красив, но это была красота отточенного оружия. Высокий, с безупречной военной выправкой, которая казалась естественной, словно он родился в седле. Его прямые, цвета холодного платины волосы были строго стянуты на затылке. Ни одной выбившейся пряди. Ни одного лишнего движения. Но самым жутким в нем была его кожа. Невероятно бледная, она казалась фарфоровой, если бы не тончайшая, замысловатая паутина металлических узоров, покрывающая его скулы и шею. Следы токсичного воздействия магии серебра. Лунная лихорадка, медленно пожирающая его изнутри, которую он сдерживал своей нечеловеческой железной волей.

Каэлан ехал медленно. Его серо-стальные глаза, равнодушные и мертвые, как лед на дне пропасти, скользили по сжавшейся в страхе толпе. В этом взгляде не было ни презрения, ни высокомерия. В нем было абсолютное вычисление. Он не смотрел на людей - он сканировал пространство на предмет аномалий, угрозы, энтропии.

Он был воплощением всего, что Лира ненавидела. Воплощением силы, которая растоптала ее детство, убила ее семью и превратила ее собственную магию в смертельную болезнь. Пальцы в перчатках непроизвольно сжались в кулаки, ногти впились в кожу. Ненависть всколыхнулась в ней горячей, токсичной волной, на мгновение прогнав серый хлад. Она хотела, чтобы он сгорел. Хотела увидеть, как его идеальная осанка ломается в агонии.

Жеребец командующего вдруг нервно всхрапнул и мотнул головой, сбиваясь с шага. Каэлан Вейн неуловимо быстрым, жестким движением натянул поводья, умирив животное.

И в этот момент его голова медленно, словно подчиняясь невидимому магниту, повернулась в сторону толпы.

Прямо туда, где стояла Лира.

Ее легкие остановились. Время завязло в густой, тягучей смоле.

Серо-стальной взгляд командующего прорезал ряды дрожащих людей, игнорируя нищих, торговцев и воров. Его глаза двигались, как лезвия скальпеля, вскрывая толпу слой за слоем. И этот взгляд неумолимо, миллиметр за миллиметром, скользил по направлению к глубокой тени ее капюшона.

Серебро искало пепел. И, кажется, оно его почувствовало.

Аномалия. Крошечная брешь в абсолютном, выверенном порядке площади. Падение температуры и едва уловимый, царапающий обоняние запах старой грозы и сухой золы.

Каэлан Вейн, командующий Серебряной гвардией, почувствовал это за секунду до того, как его боевой жеребец нервно мотнул головой. Что-то чужеродное пульсировало там, на самом краю его сенсорной сети. Каэлан чуть натянул поводья, его затянутые в кожу руки оставались идеально неподвижными - команда передалась животному через микроскопическое движение кистей. Его взгляд, тяжелый и холодный, как свинцовая плита, скользнул по съежившейся массе обитателей Нижнего города.

Где-то в этой жалкой, грязной толпе бился сбой системы.

Командующий сузил глаза, фокусируясь на глубокой тени, скрывавшей чью-то фигуру под рваным капюшоном. Серебро в его крови глухо, предупреждающе зазвенело.

Но прежде чем он успел вычленить тепловой след цели, геометрия площади была грубо, примитивно разорвана.

Истошный вопль вырвался из узкого переулочка слева от гвардейского строя: «Смерть узурпатору! Кровь за Огненный трон!»

Четверо оборванцев, вооруженных ржавыми саблями и кусками арматуры, вырвались из теней. Один из них, худой как скелет фанатик с безумными глазами, замахнулся, готовясь швырнуть в гвардейцев тяжелую стеклянную сферу, внутри которой плескалась ядовито-зеленая жидкость. Алхимический огонь. Дешевая, нестабильная дрянь, способная при детонации выжечь половину улицы, включая тех самых нищих, за которых эти смертники якобы сражались.

Каэлан не вздрогнул. Он не выругался и не потянулся к эфесу клинка. Он просто отключил свою человечность.

Мысленно опустив барьеры, он нырнул в стерильную, обжигающую глубину Серебряной магии. Отклик последовал мгновенно. Тяжелые резервуары, скрытые под плотными рукавами его мундира, завибрировали. Жидкий металл, плотный и густой, скользнул по его предплечьям, собираясь на кончиках пальцев. Ощущение было таким, словно он погрузил руки в битое стекло со льдом.

В ту же секунду лунная лихорадка - токсичная цена его силы - вцепилась в вены. Замысловатые металлические узоры на его шее и скулах вспыхнули тусклым, болезненным светом, впрыскивая в кровь порцию чистого, концентрированного яда.

Контроль. Каэлан приказал собственному сердцу биться медленнее. Один удар. Пауза. Второй удар. Если он позволит себе разозлиться, если почувствует хотя бы каплю презрения или страха, серебро станет хрупким, а токсин разорвет его внутренности в клочья. Эмоции - это энтропия. А он был абсолютным порядком.

Он неуловимым движением выбросил руки вперед.

Ртутные нити, тоньше паутины, но прочнее закаленной стали, выстрелили в воздух с пронзительным, звенящим гулом. Они не летели хаотично - они двигались по идеальным математическим векторам.

Первая нить ударила в летящую стеклянную сферу. Разум Каэлана отдал безмолвный приказ - *алхимическая трансформация: твердая форма*. Жидкая струна мгновенно изменила агрегатное состояние, обернувшись вокруг бомбы непробиваемым панцирем из монолитного серебра. Взрыв произошел внутри этой ловушки, превратившись в жалкий, глухой хлопок. Тяжелый металлический шар, удержавший в себе пламя, с лязгом рухнул на брусчатку.

Остальные нити нашли свои цели с безжалостной эффективностью.

Они не стали резать. В этот раз - нет. Каэлан обвил мерцающие струны вокруг запястий и шей нападавших, резко дернув их вверх. Мятежники выронили оружие, их крики захлебнулись, когда невидимые удавки впились в плоть. Командующий приподнял их над землей, заставляя судорожно биться на цыпочках, словно марионеток, подвешенных за нити к невидимому куполу.

Площадь погрузилась в звенящую, мертвую тишину, прерываемую лишь синхронными, хриплыми попытками мятежников вдохнуть.

Каэлан не чувствовал триумфа. Только глубокое, разъедающее душу отвращение. Император Малакар в своей прогрессирующей паранойе требовал крови. Он свято верил, что каждая публичная казнь укрепляет фундамент его трона. Но командующий видел лишь гниль. Это были не солдаты великого сопротивления, а доведенные до скотского состояния люди, сошедшие с ума от голода и имперских налогов.

- Командующий, - голос лейтенанта Корво разрезал тишину. Молодой офицер выехал вперед, положив ладонь на эфес широкого палаша. В его глазах горел фанатичный восторг. - Приказ Императора ясен. Публичная казнь за попытку бунта. Разрешите рубить?

Каэлан скосил глаза на подчиненного. Корво был идеальным продуктом нового режима - исполнительным, жестоким, лишенным сомнений.

- Отказано, - голос Вейна прозвучал тихо, почти бархатно, но от этого тона у половины гвардейцев мурашки побежали по спинам. - Мертвецы не умеют разговаривать. Мне нужно знать, в каком подвале они сварили алхимический огонь. Заковать в кандалы и отправить в нижние уровни цитадели.

- Но, сир, Его Величество...

- Вы оспариваете мою трактовку имперской безопасности, лейтенант?

Каэлан не повысил голоса ни на децибел, но серебряные удавки на шеях бунтовщиков чуть ослабли, а с указательного пальца командующего сорвалась единственная, тоньше волоса, струна. Она замерла в дюйме от яремной вены лейтенанта Корво.

Лицо молодого офицера мгновенно посерело. Он сглотнул, опустив взгляд.

- Никак нет, командующий. Взять их!

Гвардейцы бросились вязать задыхающихся, кашляющих кровью людей. Каэлан распустил нити. Серебро послушно перешло в жидкое состояние, скользнув обратно под рукава, оставив после себя лишь фантомную боль в мышцах и металлический привкус на корне языка. Он подарил этим глупцам еще пару дней жизни. Дни, которые они проведут в камерах допросов. Лицемерие собственного милосердия вызывало у него тошноту. Он ненавидел этот режим, но продолжал быть его самым острым скальпелем.

Вейн развернул коня, снова вглядываясь в то место в толпе, где секунды назад пульсировал холод.

Никого. Тень растворилась, оставив после себя лишь горьковатый аромат пепла, стремительно смываемый начинающимся дождем.

К вечеру небо над столицей окончательно прорвалось, обрушив на город плотную, ледяную стену ливня. Вода смывала сажу с крыш, превращая кривые улочки Нижнего города в грязное, бурлящее болото.

Ли́ра бежала. Она не оглядывалась, игнорируя то, как тяжелые капли бьют по лицу, а ледяная вода просачивается сквозь воротник плаща. Ее легкие горели, но страх гнал ее вперед быстрее любого хлыста.

Ее разум застрял в цикле, раз за разом прокручивая одну и ту же сцену. Ртутные нити. Абсолютный, нечеловеческий контроль. То, как командующий смял людей, даже не изменив позы в седле. И этот взгляд. Когда его стальные глаза резанули по толпе, остановившись прямо на ее укрытии, Лире показалось, что ее внутренности пронзили гвоздями. Он не просто смотрел. Он вычислял ее.

Она нырнула в заброшенный квартал старых дубилен, где едкий запах аммиака и гниющей кожи надежно маскировал любые магические следы. Протиснувшись сквозь щель в покосившемся заборе, Ли́ра по пояс в мокром бурьяне добралась до узкого спуска в подвал.

У самого дна каменной лестницы путь преграждала массивная железная дверь, намертво сросшаяся с ржавчиной. Любой патруль прошел бы мимо, сочтя ее намертво заклинившей.

Дрожащими руками Ли́ра стянула левую перчатку. Черные пальцы отбили по бугристому металлу сложный, ломаный ритм: три глухих удара по верхней петле, один длинный скрежет по центру, два быстрых стука у скважины.

Тишина растянулась на мучительную минуту. Серый хлад, подпитываемый дождем и паникой, снова начал сводить мышцы судорогой, вытягивая из тела последние крохи тепла. Ли́ра прислонилась лбом к холодной двери, чувствуя, как сознание начинает предательски уплывать.

Внезапно раздался тяжелый металлический лязг. Внутренний засов отошел в сторону, и дверь приоткрылась, выпустив в стылую морось снотворную волну тепла и запах сушеных трав.

Ли́ра ввалилась внутрь прежде, чем дверь успела открыться полностью. Она привалилась спиной к каменной кладке тамбура, сползая на пол. Грудь ходила ходуном, зубы выбивали безумную дробь.

- Ли́ра? - голос, надтреснутый от возраста, но все еще острый и ясный, донесся из глубины убежища.

Валлор, бывший архивариус Огненного королевства, вынырнул из лабиринта книжных стеллажей. На нем была мешковатая, заштопанная мантия, а морщинистое лицо освещалось мягким светом экранированной масляной лампы. Увидев ее - насквозь промокшую, бледную, с почерневшими руками, вцепившимися в колени, - старик ахнул и бросился к ней.

- Девочка моя, что стряслось? - он опустился на колени, набрасывая ей на плечи толстый шерстяной плед, пахнувший пылью и камфорой. - Серый хлад? Ты снова использовала магию в полную силу?

- Я видела его, Валлор, - прохрипела Ли́ра. Ее глаза, лихорадочно блестящие в полумраке, немигающе уставились на пламя лампы. - Я видела цепного пса. Каэлана Вейна.

Валлор замер. Руки, поправлявшие плед, застыли.

- Он разорвал бунт, даже не моргнув, - она стиснула края одеяла так сильно, что костяшки побелели на фоне черной кожи. - Его магия идеальна. В ней нет изъянов, старик. Если мы пойдем во дворец за этими чертовыми картами... если мы сунемся в его владения, мы станем пеплом. Пеплом, который даже я не смогу прочесть. У нас нет шансов.

Валлор медленно поднялся, взяв лампу обеими руками. Тени в тайном убежище дрогнули, сгущаясь по углам. Старый архивариус посмотрел на сломленную, замерзающую наследницу престола, и в его взгляде не было ни жалости, ни страха. Только тяжелая, вековая решимость.

- Именно поэтому, Лирания, - произнес он с расстановкой, и каждое слово падало в тишину, как камень, - ты пойдешь туда не ради открытого боя. Ты пойдешь, чтобы стать тенью в его слепой зоне. Идеальный механизм Серебряной империи неуязвим для клинка. Но он бессилен перед хаосом, который не в состоянии вычислить.

Убежище Валлора пахло пылью, сушеной гвоздикой и медленным, многовековым тлением. Это был запах забытых историй, погребенных под тоннами полированного имперского камня, и сейчас этот аромат казался Лире единственным якорем, удерживающим ее от падения в бездну паники.

Она сидела на продавленном, пахнущем сырой шерстью диване, вцепившись обеими руками в массивную глиняную кружку. Кипяток обжигал ладони сквозь толстые стенки, но она почти не чувствовала боли - лишь жадно, до дрожи в сведенных судорогой плечах, впитывала это примитивное тепло. Отвар из корня огневика и терпких трав обдирает горло, спускаясь в желудок тяжелым, пульсирующим комком жара.

Серый хлад, бушевавший в венах последние несколько часов, неохотно, огрызаясь фантомными иглами боли в суставах, начал отступать. Чернота на кончиках ее обнаженных пальцев побледнела, сменившись болезненным, синюшно-серым оттенком, напоминающим старые синяки.

Валлор молчал. Старый архивариус, чья сутулая спина и седые, спутанные волосы делали его похожим на древнего ворона, методично перебирал стопку пожелтевших свитков на своем загроможденном столе. Он не торопил ее. Он давал ей время собрать осколки раздробленного самообладания.

- Ты не понимаешь, старик, - наконец нарушила тишину Лира, и ее голос прозвучал так скрипуче, словно она глотала битое стекло. - Это не просто армия. Это... механизм. Идеально смазанная, лишенная эмоций машина. Я стояла там, на площади, и видела, как он это сделал. Каэлан Вейн.

Она произнесла это имя с таким ядом, что воздух в тесной комнатке, казалось, стал гуще.

- Он не сражался с ними. Он просто... выключил их. Серебряные нити. Геометрия смерти. Одно движение пальцев - и люди превратились в марионеток с перерезанным дыханием. У него нет слепых зон, Валлор. У Серебряной гвардии нет изъянов. Если мы попытаемся сунуться во дворец, нас расщепят на атомы еще на подступах к внешнему кольцу.

Валлор остановился. Его сухие, покрытые пигментными пятнами руки легли на раскрытый перед ним чертеж. Он медленно повернулся к Лире, и в свете масляной лампы глубокие морщины на его лице превратились в резкие, жесткие борозды.

- У всего есть изъяны, Лирания, - его тон был ровным, лишенным утешительных интонаций. Он не нянчился с ней. Никогда не нянчился. - Абсолютный порядок - это иллюзия, которую Император Малакар навязал этому миру. Серебро требует формы, контроля, идеальных расчетов. Стоит нарушить уравнение хотя бы на долю градуса - и их магия обращается против них самих, отравляя их кровь. Они боятся энтропии. Они боятся хаоса. Они боятся тебя.

- Меня? - Лира издала короткий, горький смешок, откинувшись на спинку дивана. - Посмотри на меня. Я - уличная крыса, воровка, которая замерзает насмерть каждый раз, когда пытается использовать искру своей силы. Моя магия - это грязный фокус для поиска чужих записок в сгоревших борделях. Что я могу противопоставить их ртутным клинкам? Мой пепел просто сдует ветром.

- Твой пепел - это единственное, что они не могут сковать в цепи! - голос Валлора внезапно ударил по барабанным перепонкам, раскатившись по убежищу. Старик ударил кулаком по столу, заставив чернильницу жалобно звякнуть. - Прекрати себя жалеть! Ты - Эмбервинд. В твоих жилах течет память Огненного трона. И твой Серый хлад, убивающий тебя - это не проклятие. Это симптом. Симптом того, что ты черпаешь силу из мертвой золы, не имея якоря.

Лира замерла. Чашка в ее руках перестала дрожать. Золотисто-карие глаза сузились, превратившись в две настороженные щели.

- О чем ты говоришь?

Валлор тяжело вздохнул, его плечи вновь ссутулились. Он отвернулся к стене, где за массивным стеллажом скрывался тяжелый железный сейф, покрытый защитными рунами Огнен-

ного народа - одними из немногих, что не успели выжечь серебряные инквизиторы. Щелкнули замки. Архивариус достал оттуда нечто, завернутое в кусок плотной обугленной кожи, и благоговейно положил сверток на стол перед Лирой.

- Все эти десять лет я искал не просто способ выжить. Я искал способ вернуть баланс, - тихо произнес старик, разворачивая кожу. Внутри лежал кусок черного, пористого базальта с глубокими, выжженными бороздами. - Серебряная империя выстроила свою Цитадель прямо на руинах нашего Тронного зала. Они думали, что похоронили наше прошлое. Но они не смогли проникнуть в Первородный очаг, расположенный глубоко под фундаментом. Их магия не переносит абсолютный жар. Они просто запечатали его сверху, выстроив над ним тайное хранилище.

- Тайное хранилище... - эхом отозвалась Лира, чувствуя, как внутри зарождается неприятное, сосущее чувство. - Что там?

- Королевская печать Огня.

Слова повисли в воздухе. Лира знала легенды. Печать не была просто куском металла или камня для штамповки указов. Это был артефакт, содержащий в себе живую, чистейшую искру Первородного пламени. Квинтэссенция магии Эмбервиндов.

- Ты с ума сошел, - выдохнула она, медленно качая головой. - Ты хочешь, чтобы я украдала миф?

- Это не миф. И это твое единственное спасение, - Валлор навис над столом, его глаза пылали фанатичным огнем. - Слушай меня внимательно, Лира. Твоя магия Пепла вытягивает твоё тепло, потому что ей не за что зацепиться внутри тебя. Она работает на чистом распаде. Если так пойдет и дальше, Серый хлад сожрет твоё сердце максимум через полтора года. Ты станешь ледяной статуей. Но если ты возьмешь Печать... если ты впитаешь искру Первородного пламени, она станет ядром. Она стабилизирует распад. Ты перестанешь замерзать, девочка моя. И тогда твой пепел станет не просто эхом, а оружием.

В комнате стало невыносимо тихо. Слышно было лишь, как за толстыми стенами подвала глухо завывает ветер, гоняя по улицам Нижнего города промокший мусор. Лира смотрела на базальтовый камень. Инстинкт самосохранения кричал ей бежать из этого подвала, раствориться в трущобах, спрятаться. Но где-то глубже, под слоями страха и вьевшейся сажки, пульсировала другая эмоция. Жажда жить. Не существовать от приступа к приступу, кутаясь в чужие лохмотья, а *жить*.

- Как? - одно короткое слово, разорвавшее тишину.

Валлор хищно улыбнулся. Он придвинул базальтовый камень ближе к ней.

- Взгляни на это. Это не просто кусок стены. Это часть старой вентиляционной шахты Тронного зала, уничтоженного в ту ночь. Положи на него руки, Лира. Используй свой дар. Не на полную мощь. Только прикоснись к его памяти.

Лира сглотнула. Она отставила полупустую кружку, сжала зубы и медленно, с неохотой стянула перчатки. Ее пальцы коснулись шероховатой, пористой поверхности камня.

Легкий укол холода. Ничего смертельного. Просто шепот.

Закрыв глаза, она позволила разуму скользнуть в структуру камня. Перед ее внутренним взором не вспыхнул огонь, не раздались крики. Камень хранил другую память - память геометрии и пространства. Она увидела чертеж. Глубокие, темные вены туннелей, змеящиеся под землей. Скрытые проходы, которые Серебряные архитекторы сочли нестабильными природными трещинами и просто залили сверху армированным бетоном. Катакомбы. Древние кровеносные сосуды Огненного дворца, которые все еще жили своей тайной жизнью прямо под сапогами императорских гвардейцев.

Маршрут вспыхнул в ее голове словно светящаяся золотая нить, прорезающая непроглядную тьму. Вход находился в старом водосборнике за пределами Внешней стены, а выход... выход вел прямо к служебным уровням тайного хранилища. Слепая зона.

Ли́ра резко отдернула руки, с шумом втягивая воздух. Ее глаза широко распахнулись.

- Они не знают об этих туннелях, - прошептала она. - Для них это просто мертвая порода.

- Идеальный механизм слеп к тому, что не может посчитать, - кивнул Валлор, сворачивая кожу обратно. - Там, внизу, не действуют их серебряные печати, потому что стены пропитаны первородным пеплом. Их радары тебя не засекут. Ты войдешь, заберешь Печать и выйдешь. Никаких боев. Никакого геройства. Ты будешь призраком, Ли́ра. Призраком прошлого, который пришел забрать свое.

Ли́ра опустила взгляд на свои руки. Кожа снова начала темнеть, пульсируя отголосками магии. Жить. Перестать замерзать. Она вспомнила холодные, стальные глаза Каэлана Вейна. Вспомнила высокомерие, с которым Серебряная империя топтала ее землю.

В ней просыпалась не просто жажда выживания. В ней просыпалась злость. Острая, очищающая злость, выжигающая страх.

- Если я встречу там гвардейцев... - медленно начала она, натягивая перчатки, и каждое ее движение теперь было наполнено резкой, хищной грацией. - Я убью их, Валлор. Без шума. Но я не стану прятаться, если кто-то встанет у меня на пути.

- Будь осторожна. Не дай ненависти затуманить разум, - старик подошел к ней, положив узловатую руку на ее плечо. В этом жесте было столько невысказанной любви и тревоги, что у Ли́ры защемило в груди. - Ты - последняя искра Эмбервиндов. Сохрани себя.

Она лишь коротко кивнула. Лишние слова сейчас не имели веса.

Остаток вечера прошел в лихорадочной подготовке. Ли́ра проверила каждый из трех метательных клинков, заново смазав лезвия маслом, чтобы они не бликовали в темноте. Натянула свежие шнурки на корсете. Пересыпала драгоценную золу родового очага из старого мешочка в новый, кожаный, плотно привязав его к поясу - ее талисман, ее оружие на крайний случай.

Время тянулось густой, вязкой смолой, пока стрелки на старинных часах Валлора не поползли к полуночи.

Улицы встретили Ли́ру тишиной и ледяным, пронизывающим ветром. Дождь прекратился, уступив место густому, молочному туману, который полз по брусчатке, скрывая подворотни и силуэты редких ночных прохожих.

Она скользила сквозь Нижний город как бестелесная тень. Память камня, которую она впитала, вела ее безошибочно. Мимо гниющих бараков, сквозь разрушенные арки старого рынка, к самому краю города, где заканчивались трущобы и начиналась мертвая зона - пустырь, отделяющий Нижний город от гладкой, монолитной стены Серебряной цитадели.

Высоко в небе, пронзая облака, светились огни дворца. Там, в тепле и безопасности, спала новая аристократия. А здесь, в грязи, Ли́рания Эмбервинд стояла перед заржавевшей решеткой старого водосборника.

Она оглянулась. Ни патрулей, ни случайных свидетелей. Лишь туман, равнодушно обволакивающий мир.

Схватившись за прутья решетки, Ли́ра напрягла все свои мышцы, чувствуя, как ржавчина впивается в кожаные перчатки. С глухим, протяжным стоном металл поддался, открывая узкий лаз в абсолютную, непроглядную черноту.

Запах, ударивший в лицо, был древним. Смесь застоявшейся воды, серы и растертого в пыль камня. Это был запах могилы огромного королевства.

Не давая себе времени на сомнения, Ли́ра протиснулась в отверстие и начала спуск. Ее сапоги коснулись скользких каменных ступеней, уходящих глубоко под фундамент непреступной крепости. С каждым шагом вниз шум ночного города стихал, пока не исчез совсем, оставив Ли́ру наедине с гулким стуком собственного сердца и холодной, ожидающей тьмой катакомб, ведущих в самое сердце вражеского логова.

Тьма древних катакомб не была просто отсутствием света. Она обладала пугающей плотностью, весом и запахом. Она ложилась на плечи тяжелым, влажным саваном, пахнущим растертым в пыль камнем, застоявшейся водой и забытыми столетиями. Лира продвигалась вперед почти на ощупь, скользя ладонями по неровной, шероховатой кладке, которая помнила еще первых королей Огненного народа.

Каждый ее шаг отдавался глухим, чавкающим эхом - дно туннеля покрывал слой вязкой грязи, смешанной с осыпавшейся породой. Здесь, глубоко под фундаментом Серебряной цитадели, время остановило свой ход. Наверху, в сверкающих залах узурпатора, вершилась новая, геометрически выверенная история, но эти недра все еще принадлежали мертвецам.

Лира дышала тяжело, короткими, прерывистыми вдохами, стараясь не тревожить спертый воздух. Пространство сужалось. Каменные своды давили на психику, вызывая первобытный, клаустрофобный ужас, заставляющий сердце биться о ребра с такой силой, что казалось, будто оно вот-вот проломит грудную клетку. Но она заставляла себя идти. Левая рука, туго затянутая в вошеную кожу перчатки, безостановочно пульсировала тупой, ноющей болью. Серый хлад никуда не делся. Он просто затаился, свернувшись ледяной змеей на дне ее желудка, ожидая малейшего повода, чтобы вонзить клыки в ослабевшее тело.

Ей не нужен был факел. Огонь стал бы самоубийством - кислорода в этих забытых артериях дворца едва хватало для дыхания, к тому же любой источник тепла мог быть зафиксирован магическими радарными имперцев. Лира ориентировалась иначе. Время от времени она снимала правую перчатку, прижимая покрытые мертвенной чернотой пальцы к холодному камню.

Легкий укол психометрии. Вспышка в сознании.

Камень шептал ей. Он не помнил слов, но помнил направление. Он хранил в себе отголоски шагов тех архитекторов, что вырубали этот ход в базальтовой породе века назад. Впитывая эту пыльную, стертую память, Лира видела во тьме бледные, призрачные векторы, указывающие путь через лабиринт развилок и тупиков. Это стоило ей драгоценного тепла - после каждого такого касания она чувствовала, как кровь в венах становится чуть гуще, а температура тела падает на крошечную, но ощутимую долю градуса.

Спустя, казалось, вечность бесконечного спуска, текстура реальности начала меняться.

Воздух потерял свою затхлость. Сквозь запах сырости пробился острый, стерильный аромат озона и полированного металла. Запах Серебряной империи.

Туннель резко ушел вверх, превращаясь в узкую техническую шахту, облицованную гладкими плитами бетона и стали. Лира замерла, прижавшись спиной к углу. Впереди, метрах в двадцати, проход перекрывала массивная решетка, сквозь которую лился мертвенно-бледный, болезненный свет.

Она осторожно подобралась ближе, ступая так мягко, словно под подошвами ее сапог был рассыпан битый хрусталь.

То, что она увидела за решеткой, заставило ее судорожно сглотнуть и вжаться в стену. Шахта выходила в широкий, идеально круглый коридор, вымощенный белым мрамором. Никаких факелов. Никаких ламп. Свет исходил от самих стен - они были исписаны сложной, угловатой вязью серебряных рун. Связующие печати. Магия узурпатора Малакара, вплетенная в архитектуру.

Но хуже всего была защита самого коридора.

Пространство между стенами пересекали тончайшие, едва видимые глазу ртутные нити. Они не висели неподвижно. Нити медленно, ритмично вращались, образуя сложный, смертоносный фрактал. Они пульсировали с такой высокой частотой, что воздух вокруг них едва заметно дрожал, издавая тихий, сводящий с ума гул. Лира почувствовала, как от одного этого звука у нее начинает ломить зубы, а в носу появляется солоноватый привкус крови.

Она достала из кармана крошечный обломок базальта, подобранный в туннеле, и коротким, точным движением кинула его сквозь прутья решетки прямо в мерцающую паутину.

Камень не отскочил. Он даже не издал звука удара. Ртутная нить прошла сквозь него с идеальной, пугающей нежностью. Мгновение - и базальт распался на две абсолютно ровные половины, чьи срезы были отполированы до зеркального блеска. Половинки бесшумно упали на мраморный пол.

Ловушка, не оставляющая шансов. Физическое тело здесь не пройдет. Любой материал, любая броня будет разрезана на молекулярном уровне.

- Идеальный механизм, - беззвучно, одними губами прошептала Лира, вспоминая слова Валлора. - Но он слеп к энтропии.

Она опустила на колени прямо на холодный стальной пол вентиляционной шахты. Руки дрожали. Не от страха перед ловушкой, а от осознания того, что ей предстоит сделать. Теневая дематериализация. Магия, которую она использовала лишь однажды, десять лет назад, в день падения своего дома, когда инстинкт выживания взял верх над разумом. С тех пор она избегала этой грани своего дара, панически боясь, что однажды просто не сможет собраться обратно. Что ее сознание навсегда растворится в облаке сажи, а ветер развеет то, что когда-то было Лиранией Эмбервинд.

Но выбора не было. Позади - долгая, мучительная смерть от прогрессирующего Серого хлада. Впереди - Смерть быстрая, на ртутных струнах, или призрачный шанс на исцеление.

Лира стянула обе перчатки, бросив их на пол. Ее кисти, до самых запястий покрытые ввевшейся в кожу чернотой, выглядели как руки трупа. Она развязала кожаный мешочек на поясе. Зола родового очага. Единственное, что хранило в себе крошечную, фантомную искру ее дома.

Она высыпала немного серого праха на обнаженные ладони. Закрыла глаза и заставила себя сделать самый глубокий, самый долгий вдох в своей жизни.

Отдай тепло.

Это был не просто приказ. Это было насилие над собственной природой. Лира потянулась внутренним взором к крошечным очагам тепла в своем теле - к бьющемуся сердцу, к пульсирующей в сонной артерии крови, к горячему дыханию в легких - и безжалостно, рывком выдернула из них энергию.

Серый хлад обрушился на нее не лавиной, а направленным взрывом.

Агония была настолько невыносимой, что мир перед закрытыми глазами вспыхнул ослепительно белым. Температура ее тела рухнула вниз с катастрофической скоростью. Кровь в венах превратилась в ледяную крошку, разрывающую капилляры изнутри. Сердце запнулось, пропустило удар, затем еще один, замедляясь до предсмертного ритма.

Кожа начала рассыпаться.

Это не было похоже на превращение. Это было растворение в кислоте. Лира чувствовала, как связи между клетками ее тела разрушаются, как плоть теряет форму, превращаясь в ничто, в прах, в энтропию. Ее физическое «я» перестало существовать, уступив место густому, черному облаку концентрированной сажи.

Она больше не дышала. Она не видела глазами. Она *ощущала* пространство вокруг каждой частицей своего нового, бесформенного естества.

Сгусток черного пепла, подхваченный неестественным сквозняком, просочился сквозь толстые стальные прутья решетки и вырвался в залитый болезненным светом коридор.

Ртутные нити ждали. Они пульсировали, готовые разрезать любую материю, нарушившую их идеальную геометрию. Но разрезать пепел невозможно. Разрезать хаос - нельзя.

Облако сажи медленно, клубясь и извиваясь, поплыло сквозь смертоносную паутину. Серебряные струны проходили прямо сквозь бесплотную форму Лире. Это не приносило боли в привычном понимании, но каждое соприкосновение серебра с пеплом вызывало диссонанс. Магия порядка пыталась подчинить магию распада, и от этого конфликта внутри черного облака вспыхивали короткие, беззвучные искры статического электричества. Лира теряла

частицы себя. Каждая секунда в этом состоянии грозила обернуться необратимым забвением. Ее сознание кричало, умоляя вернуть форму, умоляя о глотке воздуха.

Она преодолела последние метры ловушки и втекла в приоткрытые створки массивных дверей, ведущих в само хранилище.

Собрать себя воедино оказалось во сто крат больше, чем разрушить.

Облако пепла рухнуло на идеально отполированный мраморный пол и начало стремительно уплотняться. Процесс шел рывками. Возвращение костей, мышц, нервных окончаний. Лира материализовалась на четвереньках и тут же зашлась в жесточайшем, удушливом кашле, выплевывая на девственно чистый пол сгустки черной слюны.

Ее трясло так, словно через нее пропускали электрический ток. Серый хлад теперь владел ею безраздельно. Иней покрыл ее ресницы, губы приобрели цвет старого свинца. Она попыталась вдохнуть, но легкие свело ледяным спазмом.

- Жива... - прохрипела она, падая на бок и отчаянно массируя собственную грудную клетку негнушимися, почерневшими почти до локтей руками. - Давай... дыши, проклятая... дыши!

Ей потребовалось несколько минут абсолютного, сконцентрированного усилия воли, чтобы заставить сердце протолкнуть застывающую кровь по сосудам. Она заставила себя сесть. Огляделась. И забыла о холоде.

Тайное хранилище Императора Малакара было не пыльным подвалом, набитым сундуками. Это был мавзолей. Огромный, круглый зал с высоким купольным потолком, полностью выложенный белым камнем. Вдоль стен, в геометрически строгом порядке, располагались стеклянные витрины и постаменты.

Это был музей геноцида.

Лира медленно, шатаясь, поднялась на ноги. Ее золотисто-карие глаза расширились от ужаса и жгучей, парализующей боли. В первой витрине, на бархатной подушке, лежали расколотые на две части клинки ее старшего брата. Рядом - пробитая серебряным шипом парадная кираса отца, с которой даже не удосужились стереть бурые пятна десятилетней давности. Чуть дальше, в высокой нише, висел разорванный, наполовину истлевший гобелен Эмбервиндов - тот самый, чей пепел она вдохнула в день падения.

Серебряная империя не просто уничтожила Огненное королевство. Она законсервировала его смерть, превратив ее в трофеи, выставив напоказ свою абсолютную власть над поверженным врагом.

Гнев - горячий, обжигающий, токсичный - ударил в голову Лире, на мгновение прогнав слабость в ногах. Она стиснула зубы с такой силой, что хрустнула челюсть. Ей хотелось разнести здесь все. Разбить стекло, порвать бархат, стереть в порошок каждую серебряную руну на этих стенах. Но она знала, зачем пришла.

В самом центре зала, на возвышении из цельного куска белого мрамора, стоял пьедестал. А на нем, ничем не прикрытый, покоился артефакт.

Королевская печать Огня.

Она не выглядела как роскошная драгоценность. Это был грубый, необработанный кусок черного базальта, размером с два мужских кулака, покрытый сетью глубоких, оплавленных трещин. Но сквозь эти трещины, в самом сердце камня, пульсировало мягкое, живое золотисто-алое свечение. Оно дышало. Оно билось, словно запертое в клетке сердце. Первородное пламя, не погасшее даже спустя десять лет в окружении серебряного холода.

Лира шагнула к пьедесталу, не в силах оторвать взгляд от этого света. Она чувствовала его зов. Магия пепла, текущая в ее почерневших венах, резонировала с этим камнем, тянулась к нему, словно изголодавшийся зверь к куску свежего мяса. Это было не просто исцеление. Это была ее суть, оторванная от нее в детстве.

Она остановилась в полушаге от мраморного возвышения. Пространство вокруг Печати казалось искаженным, словно воздух над раскаленной жаровней. Никаких видимых нитей. Никаких рун. Слишком просто? Или Император был настолько уверен в непреодолимости внешнего контура, что оставил сам артефакт без защиты?

«Идеальный механизм слеп к тому, что не может посчитать», - пронеслись в голове слова Валлора.

Она подняла обнаженную, пугающе черную руку. Пальцы дрожали от нетерпения и Серого хлада, разъедающего суставы. Медленно, преодолевая невидимое сопротивление плотного воздуха, она потянулась к камню.

Кончики ее пальцев коснулись неровной поверхности базальта.

Ощущение было таким, словно в ее мертвые вены влили расплавленное золото. Абсолютное, чистейшее, всепоглощающее тепло хлынуло от Печати в ее тело. Вспышка эйфории была настолько ошеломляющей, что Лира издала тихий, полузадушенный стон. Чернота на ее коже дрогнула, начала бледнеть, отступая перед напором Первородного пламени. Иней на ресницах мгновенно растаял, превратившись в капли теплой влаги. Ледяная пустота внутри нее наконец-то начала заполняться.

Она обхватила артефакт обеими руками, прижимая его к груди.

И в эту секунду идеальный порядок Серебряной империи нанес ответный удар.

Пьедестал не был просто подставкой. Это был прецизионный алхимический вес, настроенный с точностью до миллиграмма. Как только масса артефакта покинула мраморную плиту, скрытые в полу механизмы пришли в движение.

С оглушительным, пронзительным звоном, похожим на крик разрезаемого стекла, мраморный пол под ногами Леры вспыхнул ослепительно-белым светом. Замысловатая геометрическая руна, занимавшая половину зала, активировалась. Жидкое серебро хлынуло по невидимым желобам, закольцовывая пространство вокруг пьедестала.

Тревога не была сиренами. Она вибрировала. Воздух наполнился высокочастотным гулом, от которого заложило уши и кровь пошла носом. Магический резонанс бил по нервной системе, парализуя мышцы.

Лира отшатнулась, прижимая пылающий камень к животу, и затравленно оглянулась. Теневая дематериализация была сейчас невозможна - Печать Огня наплатала ее теплом, стабилизирував форму. Она не могла превратиться в пепел. Она была плотной. Она была живой. И она была в ловушке.

Тяжелые, монолитные створки главных дверей хранилища, ведущие на верхние уровни дворца, дрогнули. С громким гидравлическим шипением они начали медленно разъезжаться в стороны.

Чет-раз. Чет-раз. Чет-раз.

Звук кованых сапог по идеальному мрамору. Тот самый ритм, от которого замирало сердце на площади.

В расширяющийся проем хлынул свет факелов из коридора. В зал шагнули шестеро гвардейцев в полном боевом облачении. В их руках уже формировались смертоносные серебряные алебарды.

Но Лира не смотрела на них. Ее взгляд, полный первобытного ужаса и жгучей, только что проснувшейся ярости, был прикован к фигуре, шагнувшей в хранилище следом за патрулем.

Высокий. Безупречно сложенный. В строгом темном мундире, не сковывающем движений. Его платиново-серебристые волосы тускло блеснули в свете тревожных рун. Металлические узоры на бледной шее пульсировали ядовитым светом, реагируя на всплеск чужой магии.

Каэлан Вейн.

Командующий остановился в десяти шагах от нее. В его холодных, серо-стальных глазах не было удивления. Лишь абсолютная, пугающая расчетливость человека, нашедшего то, что

искал. С его запястий, из-под плотной ткани рукавов, уже текли, собираясь в тяжелые капли на кончиках пальцев, струи жидкого, смертоносного серебра.

Он слегка наклонил голову, изучая девочку в лохмотьях трущоб, сжимающую главную реликвию его Императора, и серебро в его руках издало тихий, хищный звон. Ловушка захлопнулась.

Воздух в хранилище вибрировал, густой и плотный, как ртутные пары. Высокочастотный гул охранных рун ввинчивался в барабанные перепонки, но Лира почти не слышала его. Все ее существо сейчас было сфокусировано на двух вещах: на обжигающем, пульсирующем комке живого тепла в ее руках и на фигуре человека, перекрывшего единственный выход.

Каэлан Вейн не спешил нападать. Он стоял с обманчивой, пугающей расслабленностью хищника, точно знающего, что жертва загнана в угол. Серебро, вытекающее из скрытых резервуаров под его рукавами, не капало на мраморный пол - оно левитировало вокруг его длинных, бледных пальцев, принимая форму идеальных, смертоносных сфер. В тусклом свете активированной ловушки тонкие металлические узоры на его шее казались живыми, пульсируя в такт биению его сердца.

- Назад, - его голос, тихий и лишенный каких-либо эмоций, прорезал гул сигнализации с легкостью скальпеля.

Гвардейцы, уже изготовившие алебарды, синхронно, словно единый механизм, отступили на шаг, опуская оружие, но не сводя глаз с девочки в центре зала.

Каэлан сделал шаг вперед. Один медленный, размеренный шаг за линию мраморных створок. Его серо-стальные глаза безошибочно вычислили диссонанс. Он смотрел не на жалкие лохмотья нарушительницы, не на черную корку вьющейся сажу на ее руках. Он смотрел на Королевскую печать. Он чувствовал, как первородное пламя, заключенное в мертвом камне, искажает геометрию пространства, плавит идеальные векторы его контроля.

- Ты совершила три фатальные ошибки, воровка, - произнес командующий, и каждое его слово падало в вибрирующий воздух тяжелой металлической гирей. - Ты проникла туда, куда не существует прохода. Ты коснулась того, что уничтожит тебя изнутри. И ты заставила меня прийти сюда лично.

Лира оскалилась. Это была не улыбка, а инстинктивный, звериный оскал загнанной в ловушку хищницы. Страх, сковывавший ее на площади, исчез, растворившись в раскаленной лаве, которая сейчас с бешеной скоростью разгоняла ее кровь. Печать Огня в ее руках не просто грела. Она насыщала. Впервые за десять лет Лира не чувствовала изматывающего, смертельного Серого хлада. Наоборот, тепло было избыточным, оно рвалось наружу, требуя выхода, обжигая ладони, наполняя мышцы неестественной, пружинящей силой.

- Ты забыл четвертую, цепной пес, - ее голос сорвался на рычание, хриплый, непривычно звонкий. - Я еще жива.

Она не стала ждать, пока он выстроит свои идеальные уравнения смерти. Пальцы правой руки судорожно рванули шнурок на поясе, срывая мешочек с золой родового очага.

Каэлан отреагировал мгновенно, на одних рефлексх, не позволяя ни единой эмоции отравить свою кровь. Его руки взметнулись в коротком, рубленом жесте. Серебряные сферы на кончиках его пальцев вытянулись, превращаясь в десятки тончайших ртутных струн, и выстрелили вперед с пронзительным свистом. Они двигались по просчитанным траекториям, образуя сложную, многогранную сеть, призванную не убить, а сплести цель, сломать ей кости и прижать к полу вместе с артефактом.

Но Лира больше не была просто тенью. Она была сосудом для первородного пламени.

С размаху швырнув горсть золы прямо в надвигающуюся серебряную смерть, она удалила по ней всей мощью переполнявшей ее магии. Она не пыталась читать память пепла. Она приказала ему гореть.

Тепло из Печати рванулось через ее руки, выплескиваясь в воздух. Серая зола, встретившись с потоком чистой, концентрированной энергии, вспыхнула ослепительным багровым светом. Пылинки раскались до температуры плавильной печи, превращаясь в бурю крошечных, всепожирающих солнц.

Ртутные нити Вейна вонзились в это раскаленное облако.

Каэлан ожидал, что серебро просто рассекает пепел, прошьет его насквозь, как иглы прошивают дым. Но законы физики Серебряной империи в эту долю секунды перестали существовать.

Когда жидкий, идеально структурированный металл столкнулся с раскаленной до предела энтропией, реальность издала звук, похожий на стон разорванной струны. Серебро не прошло насквозь. Оно завязло. Расплавилось. И впитало в себя багровый жар.

Прямо в воздухе, между Лирой и Каэланом, начался процесс невозможной, противоестественной кристаллизации.

Вспышка была такой силы, что гвардейцы у входа ослепли, с криками закрывая лица закованными в броню руками. Там, где доли секунды назад переплетались серебряные нити и горячий пепел, теперь стремительно, с влажным хрустом разрасталась чудовищная структура. Черное, зеркально-гладкое стекло - Стекланный огонь, обсидиан, рожденный из невозможного слияния двух враждебных магий.

Он рос не по законам геометрии, а как дикий, агрессивный вирус. Зазубренные, острые как бритва черные лезвия выстреливали во все стороны, поглощая и серебро, и пламя.

Лира отшатнулась, когда зеркальный шип, отражающий ее собственное перекошенное лицо, пронзил пространство в миллиметре от ее щеки. Жар Печати в ее руках стал невыносимым, артефакт вибрировал, вырываясь из пальцев, словно раскаленный уголь.

На другом конце зала Каэлан Вейн впервые за долгие годы потерял контроль.

Серебро в его крови взбунтовалось. Узор на шее вспыхнул ослепительно белым светом, и командующий глухо зарычал, чувствуя, как лунная лихорадка вонзает раскаленные когти в его внутренности. Он попытался разорвать связь, втянуть нити обратно, но обсидиановый монолит уже поглотил их. Стекланный огонь вытягивал его силу с такой яростью, что Каэлан вынужден был сделать то, чего не делал никогда - отступить. Он разорвал поток магии грубым, физическим усилием воли, разрывая контакт с собственным серебром. Отдача ударила его в грудь невидимым тараном, отбросив к тяжелым створкам дверей.

А Стекланный огонь продолжал расширяться.

Обсидиановые ветви врезались в белый мрамор пола, легко, словно в теплое масло, вспарывая идеальные охранные руны. Магический контур хранилища, нарушенный присутствием чужеродного, не поддающегося классификации элемента, начал катастрофически дестабилизироваться.

Гул сменился оглушительным треском. Стены мавзолея содрогнулись. Витрины с трофеями Огненного королевства разлетелись в пыль, стекло осыпалось сверкающим дождем, смешиваясь с обломками черного зеркального камня.

Лира, не в силах больше удерживать раскаленную Печать, рухнула на колени. Камень выпал из ее онемевших, обожженных пальцев, с глухим стуком ударившись о мрамор и откатившись в сторону. Лишившись источника тепла, ее тело моментально ощутило безжалостный удар возвращающегося Серого хлада. Температура рухнула вниз. Кровь снова начала густеть.

Она подняла голову, пытаясь сквозь слезящиеся от едкого дыма глаза разглядеть происходящее.

Огромный, уродливый куст черного зеркального стекла занимал теперь половину зала, упираясь своими острыми вершинами в купольный потолок. Каэлан Вейн, тяжело опираясь на дверной косяк, стирал тыльной стороной ладони кровь, выступившую на тонких губах. Его

глаза, обычно ледяные и мертвые, сейчас горели темным, опасным пламенем уязвленного хищника, впервые столкнувшегося с тем, чего он не мог понять.

Их взгляды встретились сквозь сплетение обсидиановых ветвей. В этот момент не было ни империи, ни трупоб. Лишь абсолютное, шокирующее осознание обоюдной, неконтролируемой разрушительной мощи.

Купол над ними издал протяжный, похоронный стон.

Разрушенные руны больше не могли удерживать многотонные плиты потолка. Магический резонанс достиг своего пика. Белый мрамор треснул расходящейся паутиной, и огромный кусок свода, размером с крестьянский дом, оторвался от основания.

- Забрать девчонку! - крик Каэлана потонул в грохоте падающего камня.

Лира попыталась вскочить, дотянуться до Печати, метнуться в спасительную тень, но Серый хлад уже парализовал ее мышцы. Ноги отказались повиноваться. Последнее, что она увидела перед тем, как мир взорвался пылью и болью - это ослепительно-белая вспышка алхимического щита, который Вейн в отчаянном рывке развернул над собой и своими людьми, спасаясь от обвала.

Удар по затылку был тупым, но сокрушительным. Сознание Лир разлетелось на тысячи осколков, погружаясь в вязкую, черную пустоту, не оставляющую ни мыслей, ни дыхания. Лишь тишину.

Тишина оказалась недолгой.

Она начала возвращаться каплями. Тяжелыми, ледяными каплями, с мерзким, ритмичным звоном падающими откуда-то сверху прямо на обнаженный камень.

Kan. Kan. Kan.

Лира с трудом разомкнула воспаленные веки. Глаза резануло болью от напряжения, но тьма вокруг была абсолютной. Ни единого луча света. Ни отблеска луны, ни свечения магии. Только глухой, сырой мрак, пахнувший застоявшейся мочой, ржавчиной и кровью. Ее собственной кровью, вкус которой она отчетливо ощущала на разбитых губах.

Она попыталась пошевелиться, и тело отозвалось симфонией агонии. Мышцы свело судорогой. Руки были вытянуты над головой, а запястья стягивал металл. Толстые, холодные кандалы, звенья которых уходили куда-то во тьму, намертво приковывая ее к шершавой, мокрой стене.

Серый хлад хозяйничал внутри нее, безжалостно вымораживая внутренности, но сейчас его притупляла физическая боль и отголоски того невероятного, невозможного жара, который она испытала, держа в руках Печать.

Где Печать? Валлор... Она подвела его. Подвела свой мертвый народ.

Внезапно ритм падающих капель был нарушен другим звуком.

Медленные, размеренные шаги. Они раздавались где-то за пределами ее камеры, гулом отражаясь от невидимых каменных сводов темницы. *Чет-раз. Чет-раз.* Идеально ровный шаг человека, который никуда не спешит, потому что полностью контролирует время.

Шаги приблизились и замерли. В кромешной тьме, прямо перед Лирой, лязгнул тяжелый засов, и со скрежетом, от которого заныли зубы, начала отодвигаться железная решетка.

Свет не просто проник в камеру - он вспорол кромешную тьму с жестокостью палача.

Скрежет раздвигаемой решетки эхом прокатился по каменному мешку, ударив по натянутым нервам Лир. Она инстинктивно зажмурилась, отворачивая голову от ослепительного луча масляного фонаря. Ржавые звенья цепей, удерживающие ее вытянутые над головой руки, отозвались жалобным лязгом. Каждое микродвижение отдавалось в плечевых суставах раскаленной болью, но этот жар оставался лишь локальным очагом пытки. Все остальное тело медленно, неотвратно погружалось в абсолютный ноль.

Серый хлад, лишенный подпитки Печати, вернулся с удвоенной яростью. Он вымораживал костный мозг, превращал кровь в ледяную патоку и окрашивал кожу в мертвенно-свинцо-

вый оттенок. Чернота, ввевшаяся в кисти рук после дематериализации, теперь ползла выше, к локтям, отмечая границы умирающей плоти.

Шаги стихли. Высокая фигура переступила порог темницы.

Тяжелая дубовая дверь, обитая железом, с глухим стуком закрылась за вошедшим, отсекая камеру от коридора, но засов пока остался открытым. Мужчина поставил фонарь на грубый деревянный стол, заваленный крюками и щипцами, и медленно повернулся к пленнице.

Каэлан Вейн.

Даже здесь, в пропахшем запекшейся кровью и гнилью подвале, где люди теряли человеческий облик за считанные часы, командующий Серебряной гвардией выглядел так, словно только что сошел с парадного портрета. Темный мундир сидел безупречно, без единой складки. Ни пылинки от рухнувшего свода хранилища, ни капли пота. Лишь идеальная, убийственная статика. Но в неровном, пульсирующем свете фонаря Лира увидела то, что скрывало расстояние в тронном зале.

Его бледная кожа не была безупречной. Тонкая паутина металлических узоров, покрывающая скулы и исчезающая под тугим воротником, сейчас едва заметно мерцала тусклым, токсичным светом. Это не было татуировкой. Это была лунная лихорадка - яд его собственной магии, разъедающий его изнутри. Серебро требовало платы за абсолютный контроль, и Вейн платил ее каждую секунду своего существования.

- Обычно дознаватели нижних уровней начинают с вырывания ногтей, - голос Каэлана нарушил тишину. Тихий, бархатный, лишенный угрозы тон парадоксальным образом пугал больше, чем крик. Он шагнул ближе, и воздух вокруг него принес острый, стерильный запах озона и оружейного масла. - Это грубо. Неэстетично. И, как показывает моя практика, абсолютно неэффективно при работе с фанатиками.

Лира сплюнула на пол густой сгусток крови. Красная капля разбилась о серый камень в дюйме от идеально начищенного носка его сапога.

- Тогда зови их, цепной пес, - прохрипела она, вздернув подбородок. Мышцы шеи свело спазмом, но она заставила себя смотреть прямо в его серо-стальные глаза. - Потому что от меня ты получишь только грязную слюну на свой идеальный мундир. Режь. Ломай. Мой пепел тебе ничего не расскажет.

Каэлан не шелохнулся. В его взгляде не промелькнуло ни гнева, ни презрения. Лишь холодное, методичное сканирование. Он подошел вплотную. Настолько близко, что Лира физически ощутила исходящую от него ауру неестественного, металлического холода - иного, чем ее собственный. Ее Серый хлад был энтропией, смертью тепла. Его холод был стазисом. Замороженным порядком.

Медленным, плавным движением Каэлан поднял руку в черной кожаной перчатке и жестко перехватил ее за подбородок, фиксируя голову. Его пальцы, даже сквозь толстую кожу, ощущались как стальные тиски.

- Я приказал лекарям не приближаться к тебе, когда гвардейцы вытащили тебя из-под обломков, - произнес он, внимательно изучая синяки на ее скулах и пульсирующую черноту на руках. - Мои офицеры решили, что я хочу сохранить тебе жизнь только ради публичной казни. Они глупы. Они мыслят категориями страха и боли. Я же мыслю категориями аномалий.

Он отпустил ее лицо и перевел взгляд на ее закованные запястья.

- То, что произошло в хранилище, невозможно с точки зрения алхимии, - продолжил Каэлан, и в его ровном голосе впервые прорезалась едва уловимая, острая нота одержимости. - Моя магия серебра - это абсолютная структура. Она разрезает, подавляет, заключает в форму. Твоя магия пепла - это распад. Грязный, неконтролируемый хаос. По всем законам физики нашей империи, мое серебро должно было просто уничтожить твою золу. Но этого не случилось.

Он плавно стянул перчатку с правой руки. Его длинные пальцы, покрытые бледной кожей с проступающими темными венами, легли на ледяной металл ее кандалов, в миллиметре от ее почерневшего запястья.

От одного этого микроскопического сближения воздух между ними искривился. Лира судорожно выдохнула, когда почувствовала, как остатки магии внутри нее - дикие, умирающие от Серого хлада - внезапно рванулись навстречу его токсичному серебру. Глухой, низкочастотный резонанс заставил завибрировать цепи.

- Стекланный огонь, - Вейн произнес это почти шепотом, глядя, как металл его узоров реагирует на ее близость, вспыхивая чуть ярче. - Черный зеркальный обсидиан, сожравший и мою структуру, и твой хаос. Сплав, разрушивший фундамент хранилища, который строили лучшие инженеры Малакара. Ни один уличный маг-недоучка из Нижнего города не способен на такой резонанс. Ни один вор не смог бы впитать тепло Королевской печати, не сгорев заживо в ту же секунду.

Лира замерла. Ее сердце, до этого бившееся вяло и редко, внезапно сорвалось в бешеный галоп, прогоняя по венам ледяную крошку. Он знал. Этот ублюдок с глазами убийцы все вычислил.

- Ты пряталась в грязи десять лет, - Каэлан убрал руку, и резонанс оборвался, оставив после себя сосущую пустоту. Он начал медленно расхаживать перед ней, его голос снова стал ровным и сухим. - Я поднял архивы сегодня ночью. В день падения Огненного дворца тела правителей были найдены в Тронном зале. Король, королева, старший наследник. Но младшей дочери там не было. Императору доложили, что она сгорела дотла, не оставив даже костей. Удобная ложь, чтобы закрыть отчет.

Он остановился напротив нее. Свет фонаря выхватил из полумрака жесткую, безжалостную линию его челюсти.

- Твои руки чернеют. Твое тело замерзает, потому что магия пепла лишена якоря. Ты черпаешь силу из мертвой золы, не имея связи с первоисточником. Это симптом изгнанников королевской крови, оторванных от Первородного пламени.

Лира тяжело, со свистом втянула затхлый воздух подземелья. Больше не было смысла играть в уличную оборванку. Не перед ним. Вся ненависть, копившаяся в ней десять лет, весь яд трущоб и горечь потерянного детства вырвались наружу, сконцентрировавшись в ее взгляде. В золотисто-карих глазах вспыхнул тот самый огонь, который когда-то заставлял континенты преклонять колени перед ее предками.

- Да, - выплюнула она, и это единственное слово хлестнуло по воздуху, как удар плети. - Я Лирания Эмбервинд. Я - пепел того дома, который вы сожгли. Я - эхо той крови, которую вы пролили. И если ты думаешь, что я буду молить тебя о пощаде, командующий, то ты еще безумнее своего старого, параноидального Императора.

Она ждала удара. Ждала, что ртутная нить полоснет ее по горлу или серебряная сфера раздробит ей колени.

Но Каэлан Вейн лишь смотрел на нее долгим, нечитаемым взглядом. В тишине камеры было слышно только хриплое дыхание Лирны и далекий звук капающей воды. Внезапно лунная лихорадка на лице командующего вспыхнула с пугающей яркостью. Он слегка поморщился, едва заметным движением стиснув челюсти, подавляя всплеск собственных эмоций. Серебро в его крови реагировало на ее ярость, на ее неприкрытую, самоубийственную гордость.

- Император не знает, кто ты, - произнес Каэлан.

Это заявление было настолько абсурдным, что Лира на секунду забыла о боли в вывернутых плечах.

- Что? - она недоверчиво сощурилась. - Ты поймал главную угрозу его трону и не побежал вилять хвостом к хозяину?

- Я доложил Малакару, что обрушение хранилища было вызвано активацией древней защитной руны Огненного народа, - спокойно пояснил Вейн, словно речь шла о погоде. - А воровка, проникшая внутрь, погибла под завалами. Гвардейцам, видевшим тебя, стерли память алхимическим газом. Для всей империи, для Императора и для истории - ты мертва. Снова.

Его слова не укладывались в голове. Идеальный солдат. Безжалостный цепной пес, казнивший людей за косой взгляд в сторону имперского герба, только что совершил государственную измену.

- Почему? - выдохнула Лира, чувствуя, как реальность теряет свои четкие контуры. - Зачем тебе это?

Каэлан отвернулся от нее. Он подошел к массивной дубовой двери. Его длинные пальцы, уже без перчатки, легли на ржавый металл внутреннего засова. Жидкое серебро, блестящее и плотное, скользнуло из-под рукава его мундира. Оно обвилось вокруг замочной скважины, впитываясь в поры дерева и железа. Металл зашипел, плавясь и перестраиваясь. Серебряная вязь Связующей печати расцвела на двери ослепительным геометрическим узором, намертво блокируя выход и отрезая камеру от любых прослушивающих заклинаний дворца.

Теперь они были абсолютно, герметично одни.

Командующий медленно повернулся к Лире. Тень от фонаря легла на половину его лица, делая его похожим на мраморное изваяние бога разрушения, уставшего от собственных молитв.

- Потому что Империя гниет заживо, Лирания, - его голос стал еще тише, но в нем зазвучала сталь, способная резать стекло. - Малакар сошел с ума от страха смерти. Он разрушает эту страну изнутри, а я вынужден быть его карающим мечом, каждый день сдерживая токсин, который однажды разорвет мне сердце. Мы оба медленно умираем от нашей магии. Мы оба ненавидим то, чем стали. И мы оба видели Стекланный огонь.

Каэлан шагнул к ней, останавливаясь вплотную. Его глаза, серые и смертоносные, впились в ее лицо, ища малейший признак слабости. Но Лира смотрела в ответ, не отводя взгляда.

- Я здесь не для того, чтобы допрашивать тебя, Ваше Высочество, - произнес Каэлан Вейн, и серебряный резонанс между ними снова заставил воздух вибрировать. - Я здесь, чтобы предложить сделку.

Слово «сделка» повисло в спертом воздухе пыточной камеры, медленно оседая на влажные камни, как ядовитая пыль.

Несколько долгих, мучительных секунд Лира просто смотрела на мужчину, стоящего перед ней. Ее затуманенный болью и подступающим Сером хладом разум отказывался обрабатывать этот набор звуков. А затем ее грудная клетка содрогнулась. Из пересохшего горла вырвался смех - хриплый, каркающий, больше похожий на предсмертный клекот птицы, чем на проявление веселья. Смех оборвался влажным кашлем. Кровь снова выступила на растрескавшихся губах, и Лира бессильно повисла на ржавых цепях, чувствуя, как металл врезается в ободранные до мяса запястья.

- Сделка? - выдохнула она, с трудом поднимая отяжелевшую голову. Каждый миллиметр ее шеи пульсировал тупой болью. - Цепной пес империи предлагает уличной крысе контракт? И какова же цена? Ты позволишь мне выбрать, на каком именно костре меня сожгут? Или, может, разрешишь самой затянуть серебряную удавку на своей шее?

Каэлан Вейн не улыбнулся. Его лицо оставалось непроницаемой маской из бледного мрамора, но серебряные узоры на скулах едва заметно дрогнули, выдавая напряжение, которое он мастерски скрывал за идеальной военной выправкой. Он сделал еще один шаг к ней, вторгаясь в ее личное пространство, заставляя Лиру вжаться спиной в ледяную, мокрую стену.

- Твоя ирония - это защитный механизм слабой, загнанной в угол жертвы. Отбрось ее, Лирания. У нас нет времени на спектакли, - его голос звучал тихо, но в этой тишине крылась непреодолимая сила, заставляющая вслушиваться в каждое слово. - Империя, которую ты так

ненавидишь, трещит по швам. Малакар одержим. Его страх перед смертью перешел границы паранойи и превратился в безумие. Он тратит ресурсы государства на алхимиков, ищущих эликсир бессмертия, и выжигает целые кварталы при малейшем подозрении в измене. Но самое опасное происходит не на улицах. Оно происходит там, наверху.

Командующий плавно поднял руку, указывая куда-то в потолок, за каменные своды подземелья, туда, где раскинулись роскошные залы дворца.

- Двор гниет. Аристократия, высшие чины, те самые люди, которые улыбаются Императору в лицо, плетут заговор, чтобы свергнуть его и растащить империю на куски. Они используют скрытые яды, шантаж, древние артефакты, нарушающие контуры моей защиты. Моя Серебряная гвардия - это меч. Меч может отсечь голову врагу, если видит его. Но меч беспомощен против яда, растворенного в вине, и против теней, которые не оставляют следов.

- И при чем здесь я? - Лира скрипнула зубами. Серый хлад безжалостно карабкался вверх по рукам. Локти уже не чувствовались, словно их обложили колотым льдом. - Ты хочешь, чтобы я стала твоей ищейкой при дворе? Читала пепел сгоревших писем заговорщиков?

- Я хочу, чтобы ты стала моим ключом, - отрезал Каэлан. Его серо-стальные глаза вспыхнули темным, пугающим огнем. - Моя магия серебра скована законами порядка. Заговорщики научились использовать этот порядок против меня. Они создали слепые зоны, защищенные рунами, которые моя сила не может пробить, не разрушив половину Цитадели. Но ты... ты - аномалия. Твоя магия пепла - это распад. Ты можешь проходить сквозь их барьеры. А то, что произошло в хранилище...

Он замолчал, и на долю секунды в его идеальном самоконтроле образовалась трещина. Лира увидела в его взгляде нечто, похожее на благоговение, смешанное с первобытным ужасом.

- Стекланный огонь, - Вейн произнес это название так, словно пробовал на вкус нечто смертельно опасное. - Резонанс твоей и моей магии. Он не просто разрушил защитный контур. Он сожрал его. Сплав пепла и серебра способен уничтожить любую печать узурпатора, любую магическую ловушку аристократов. Вместе мы сможем вскрыть этот заговор до самого основания.

- Ты просишь меня спасти твою проклятую империю? - Лира попыталась плюнуть ему в лицо, но сил хватило лишь на судорожный выдох, превратившийся в облачко морозного пара. - Пусть она сгорит! Пусть заговорщики перережут глотку твоему Императору, а потом перегрызут друг друга! Я буду танцевать на ваших пепелищах!

- И умрешь через полгода, превратившись в кусок черного льда, - безжалостно припечатал Каэлан. Он подался вперед, так близко, что Лира почувствовала запах его кожи - холодный металл и горьковатый мужской парфюм. - Где сейчас твое тепло, Эмбервинд? Ты чувствуешь, как застывает кровь в твоих венах? Как сердце сбивается с ритма, умоляя о пощаде?

Лира зажмурилась. Он бил в самую уязвимую точку. Боль в почерневших руках становилась невыносимой, грозя перейти в необратимый некроз.

- Королевская печать Огня у меня, - слова командующего прозвучали как выстрел в упор.

Глаза Леры распахнулись. В них плескались отчаяние и надежда, сплетенные в такой тугой узел, что дышать стало еще больнее.

- Если ты согласишься на мои условия, я гарантирую тебе неприкосновенность, - чеканил Каэлан, словно зачитывал военный приказ. - Ты будешь жить. Я предоставлю тебе доступ к Печати. Ты сможешь питаться ее первородным пламенем, чтобы стабилизировать свою силу и остановить Серый хлад. Я не прошу тебя спасти Малакара. Я предлагаю тебе уничтожить тех, кто ввергнет эту землю в кровавую мясорубку гражданской войны, от которой Нижний город вымрет за месяц.

- А взамен? Какова моя роль в этом маскараде? - ее голос дрожал, но уже не от гнева, а от чудовищного физического истощения.

Каэлан отстранился. Идеальная осанка вернулась на место.

- Я не могу просто привести бродяжку из трущоб в дворцовые коридоры. Тебе нужен статус. Железобетонное алиби, которое позволит тебе находиться рядом со мной каждую секунду, не вызывая подозрений у имперских соглядатаев.

Он выдержал паузу, которая показалась Лире растянутой на века.

- Завтра утром двор узнает, что командующий Серебряной гвардией наконец-то выбрал себе невесту. Леди из далекого, лояльного северного домена, которая долгое время воспитывалась в закрытом монастыре. Ты станешь моей фиктивной избранницей, Лирания. Это даст тебе неприкосновенность от инквизиции и пропуск в высший свет.

У Лиры потемнело в глазах. Невеста. Жена цепного пса, убившего ее семью. Она должна будет стоять рядом с ним, носить его цвета, терпеть его взгляды. Ее затошнило.

- Я скорее сгнию в этой камере, - прошипела она, дернувшись в цепях. Металл жалобно звякнул, а по левой руке от запястья до плеча прострелила такая острая, ледяная боль, что Лира не выдержала и глухо, надрывно вскрикнула, запрокинув голову.

Чернота на ее коже вспыхнула, как умирающий уголь. Хлад добрался до грудной клетки. Каждый вдох теперь ощущался так, словно она глотала битое стекло. Сердце предательски замерло, пропустив два удара подряд.

- Твое тело не согласно с твоей гордостью, - равнодушно констатировал Вейн, наблюдая за ее агонией. В его тоне не было садизма, лишь холодный расчет. - У тебя осталось несколько минут, прежде чем гипотермия станет необратимой. Выбирай, Эмбервинд. Стать моей тенью при дворе, вернуть себе Первородное пламя и получить шанс отомстить тем, кто действительно этого заслуживает. Или умереть здесь, прямо сейчас, безымянной кучкой черного пепла, которую утром сметут метлой в сточную канаву.

«Будь призраком, Лира», - голос старого Валлора зазвучал в ее затухающем сознании. «Ты пойдешь туда не ради открытого боя. Идеальный механизм бессилен перед хаосом, который не в состоянии вычислить».

Она должна выжить. Не ради себя. Ради Огненного королевства. Ради того, чтобы однажды, когда этот идеальный серебряный ублюдок отвернется, вонзить нож в его безупречную спину.

Лира опустила подбородок на грудь. Дыхание вырывалось из легких с хриплым свистом.

- Печать, - едва слышно прошептала она. - Ты вернешь мне Печать. И неприкосновенность.

- Клянусь своей кровью, - коротко ответил Каэлан.

- Я... - она сглотнула кровь и гордость, ненавидя себя, ненавидя его, ненавидя этот мир. - Я согласна. Сделка.

В ту же секунду атмосфера в камере изменилась. Давящее, смертоносное присутствие Каэлана превратилось в стремительное действие.

Он не стал доставать ключи. Командующий шагнул к ней вплотную и обхватил своими длинными, бледными пальцами массивные железные замки, удерживающие ее запястья. Лира затаила дыхание, ожидая боли, но вместо этого почувствовала лишь легкое покалывание.

Жидкое серебро - густое, светящееся собственным мертвенным светом - скользнуло из-под манжет его мундира. Оно стекло по его коже, как вода, и влилось прямо в замочные скважины кандалов. Каэлан не применял силу. Он применил алхимию. Серебро заполнило механизмы, идеально повторяя форму несуществующих ключей, а затем с тихим, влажным щелчком изменило свою структуру, расширяясь.

Тяжелые замки с грохотом разорвало изнутри.

Цепи лязгнули и полетели вниз. Лишенные опоры, руки Лиры плетями рухнули вдоль тела. Истерзанные, замороженные мышцы не выдержали гравитации. Ноги девушки подогнулись, и она начала заваливаться на грязный каменный пол.

Она не упала.

Каэлан перехватил ее на лету. Одна его рука, облаченная в жесткий рукав мундира, легла ей на талию, вторая властно и крепко удержала за плечо. От этого контакта Лиру пробилась крупная, болезненная дрожь. Контраст был чудовищным. Его тело источало неестественный, токсичный холод серебряной магии, а ее собственное было ледяной пустотой энтропии. Две разные смерти столкнулись в одной точке.

Серебряные узоры на шее Вейна вспыхнули ярче, сигнализируя о том, что лунная лихорадка недовольна этой близостью. Командующий стиснул челюсти, подавляя диссонанс, и резким, силовым движением поставил Лиру на ноги, перекинув ее обмякшую руку себе через шею.

- Держись на ногах, воровка, - процедил он сквозь зубы. - У меня нет желания нести свою будущую жену на руках через половину Цитадели.

- Пошел ты... - беззвучно артикулировала Лира, но все же заставила себя опереться на его плечо, вдыхая озон и чувствуя жесткую структуру его брони под тканью.

Каэлан не повел ее к тяжелой дубовой двери, ведущей в коридоры тюрьмы. Вместо этого он повернулся к глухой, заплесневелой каменной кладке в дальней части камеры. Свободной рукой он начертил в воздухе сложную геометрическую фигуру. Серебряная нить, сорвавшаяся с его пальцев, впилась в камень.

Стена содрогнулась. Монолитные блоки с глухим, трущимся звуком подались назад, а затем разъехались в стороны, открывая узкий, идеально чистый, вымощенный белым мрамором коридор, освещенный мягким светом встроенных рун.

Тайный ход. Прямо из пыточной камеры.

- Идем, - приказал Каэлан, не дожидаясь ее реакции, и шагнул в проход, увлекая Лиру за собой.

Как только они пересекли порог, каменные блоки за их спинами бесшумно сомкнулись, навсегда отрезая запах крови, ржавчины и гнили. Впереди их ждала идеальная, стерильная тишина секретных артерий Серебряного дворца. Путь, ведущий в самое сердце вражеского логова - в личные покои командующего Вейна. И с каждым шагом по этому белоснежному мрамору Лира понимала, что только что продала свою душу дьяволу, чтобы получить шанс сжечь его ад дотла.

Тайный ход выплюнул их в пространство, которое казалось Лире не менее враждебным, чем пыточная камера, - просто оно убивало иначе.

Белоснежный мрамор секретных коридоров резко оборвался, сменившись строгой, пугающей в своей безупречности роскошью личных покоев командующего Серебряной гвардией. Здесь не было вычурной позолоты или кричащих гобеленов, какими славилась старая аристократия. Пространство дышало стерильностью, монолитным черным камнем, полированной сталью и темным деревом. Высокие панорамные окна, сейчас затянутые плотными графитовыми портьерами, отсекали звуки внешнего мира. Воздух был холодным, пропущенным через алхимические фильтры, и пах озоном, дорогим табаком и горьковатым металлом - личным запахом Каэлана Вейна.

Как только за их спинами бесшумно сомкнулась гладкая панель стены, Каэлан разжал пальцы.

Его хватка исчезла так резко, что Лира, лишенная опоры, покачнувшись и тяжело осела на ближайший предмет мебели - массивный диван, обтянутый матовой черной кожей. Ее истерзанное тело, из которого Серый хлад методично высасывал последние крохи жизни, отозвалось на мягкость поверхности болезненным, протестующим стоном. Мышцы дрожали, не в силах расслабиться. Зубы снова начали выбивать тупую, бесконтрольную дрожь.

Каэлан не стал тратить время на светские беседы. Он двигался по своим покоям с расчетливой, хищной грацией хозяина, не обращающего внимания на грязь, которую притащила с собой уличная крыса. Подойдя к массивному сейфу, вмонтированному в стену между книж-

ными стеллажами, он приложил ладонь к гладкой металлической панели. Серебряные нити сорвались с его пальцев, втекая в микроскопические пазы. Механизм беззвучно провернулся.

Командующий извлек оттуда скомканный кусок обугленной кожи и небрежно бросил его на низкий стеклянный стол перед Лирой.

Сверток раскрылся.

В тусклом свете настенных рун Королевская печать Огня казалась спящим вулканом. Грубый, испещренный трещинами базальт больше не слепил глаза, но в его глубине медленно, ритмично пульсировало густое багровое свечение.

- Бери, - коротко бросил Каэлан, останавливаясь по ту сторону стола. - Пока твое сердце не остановилось прямо на моем ковре. У меня нет желания объяснять слугам, откуда здесь взялся обмороженный труп.

Лири не заставила просить себя дважды. Пальцы, покрытые мертвенно-черной коркой, судорожно вцепились в шероховатый камень.

Контакт.

Взрыв первородного тепла ударил по нервной системе с такой силой, что Лира задохнулась, выгнув спину дугой. Это была не просто смена температуры. Это было воскрешение. Пламя хлынуло по ее заледеневшим венам, безжалостно, агрессивно выжигая Серый холод. Процесс разморозки приносил адскую, пульсирующую боль - словно в сосуды заливали кипящее стекло, - но в этой боли крылся экстаз выживания.

Она прижала Печать к животу, свернувшись калачиком на черной коже дивана, и хрипло, надрывно застонала. Густые клубы пара сорвались с ее губ, когда лед внутри начал таять. Синюшный оттенок лица медленно, неохотно отступал, уступая место лихорадочному, живому румянцу. Чернота на кистях рук дрогнула, начала бледнеть, отступая от локтей к запястьям, пока не остановилась на кончиках пальцев, превратившись в стойкий, темно-серый пигмент. Шрам, который уже никогда не исчезнет, но который больше не грозил убить ее.

Каэлан наблюдал за этой метаморфозой с отстраненным, клиническим интересом. Он налил себе из хрустального графина на два пальца прозрачной, тягучей жидкости и сделал глоток. Его собственные серебряные узоры на шее слегка потускнели, словно алкоголь на время приглушил токсичность лунной лихорадки.

Спустя несколько долгих минут дыхание Леры выровнялось. Она с трудом села, все еще прижимая базальт к груди. В ее золотисто-карих глазах, очистившихся от пелены смертельной слабости, снова вспыхнул дерзкий, колющий свет.

- Не смотри на меня так, будто купил породистую лошадь, Вейн, - выплюнула она, стирая тыльной стороной потеплевшей ладони кровь с подбородка. - Я получила свое. Теперь давай обсудим твою часть этого безумия. Как ты собираешься объяснить мое присутствие здесь?

- Я уже сказал. Ты - моя невеста, - командующий поставил стакан на стол с тихим хрустальным стуком. - Леди Лирания из дома Валериус. Северные рубежи. Далекая, изолированная провинция, чьи лорды редко покидают свои заснеженные замки. Твоя семья якобы обеднела, и ты воспитывалась в закрытом монастыре Святой Ирины.

- Монастырь? - Лира издала короткий, едкий смешок. Она обвела рукой свои грязные лохмотья, ободранные сапоги и сажу, въевшуюся в лицо. - Серьезно? Ты думаешь, имперские аристократы поверят, что вот это чучело - воспитанница святых сестер? Да я ругаюсь матом на пяти диалектах трущоб и умею вскрывать глотки быстрее, чем они наливают вино.

- Именно поэтому легенда сработает идеально, - Каэлан оперся обеими руками о край стола, нависая над ней. Его серо-стальной взгляд стал жестким, подавляющим. - Они ждут от меня идеальной партии. Дочери министра, наследницы богатого рода, безупречной куклы с фарфоровым лицом. Если я приведу дикарку с Севера, лишенную манер, острую на язык и не знающую этикета, это вызовет шок. А шок - лучшее прикрытие. Весь двор будет обсуждать мой скандальный вкус, твоё происхождение, твою грубость. Никто не станет искать в тебе выжив-

шую принцессу Огненного королевства, потому что принцессы так себя не ведут. Они будут смотреть на скандал, а не на магию.

Лира прищурилась, обдумывая его слова. В этом была своя извращенная, циничная логика. Спрятать аномалию на самом видном месте, ослепив всех вспышкой возмущения.

- И как же мы познакомились, любовь моя? - с ядом в голосе протянула она, намеренно растягивая слова. - Ты приехал на Север сжигать очередную деревню и увидел меня в окне кельи?

- Мы познакомились по переписке. Я искал ту, кто не отравлена ядом столичных интриг, - парировал Каэлан, не реагируя на провокацию. - Ты приехала сегодня ночью, инкогнито, чтобы избежать огласки до официального представления. Мои гвардейцы встретили твой экипаж за городом.

Он выпрямился, и его фигура снова приобрела пугающую монолитность.

- Теперь о правилах, Эмбервинд. Запомни их, если хочешь, чтобы твоя голова осталась на плечах. Правило первое: ты не покидаешь мои покои без моего ведома или без моего сопровождения. Правило второе: ты не используешь свой пепел в присутствии других магов. Их радары настроены на искривление эфира, и даже малейший всплеск энтропии вызовет подозрения. Правило третье...

Он замолчал, шагнув в обход стола. Серебро в его крови тихо, предупреждающе зазвенело. Он остановился в полуметре от нее.

- Мы - пара. Безумно влюбленная пара, которая бросила вызов устоям. Это значит, что на публике мы будем касаться друг друга. Я буду брать тебя за руку. Я буду обнимать тебя за талию. И если в этот момент ты вздрогнешь, если потянешься к кинжалу или посмотришь на меня с той ненавистью, с которой смотришь сейчас, - нас обоих бросят в застенки Инквизиции.

Лира почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Касаться его. Позволять этому чудовищу, чьи руки по локоть в крови ее народа, изображать нежность. Это было хуже, чем Серый хлад. Это было насилие над самой сутью ее памяти.

- Если ты тронешь меня без предупреждения, Вейн, - ее голос упал до опасного, шипящего шепота. Она крепче сжала Печать, чувствуя, как внутри нее снова просыпается искра Стеклянного огня. - Я сожгу твои пальцы до костей. И плевать мне на Инквизицию.

- Значит, мы сторим вместе, - равнодушно отозвался командующий. - Ванная комната за той дверью. Можешь смыть с себя грязь Нижнего города. Спать будешь в моей спальне. Я останусь в кабинете. Завтра начнется игра, в которой у нас нет права на ошибку.

Он развернулся и ушел в смежную комнату, плотно закрыв за собой дверь. Щелкнул замок.

Лира осталась одна в оглушительной, давящей тишине роскошного зала. Угли сомнений, тлеющие в ее сознании, теперь вспыхнули полноценным пожаром. Кому она доверилась? Предателю? Безумцу? Или человеку, который так же сильно зажат в тиски собственной силы, как и она сама?

Остаток ночи превратился в тягучую, изматывающую пытку.

Она стояла под горячими струями воды в огромной ванной, облицованной черным сланцем, и смотрела, как черная, густая грязь стекает по ее шрамам и исчезает в сливе. Вода обжигала, но она не могла согреться до конца. Печать лежала на краю раковины, пульсируя, как вырванное сердце. Лира надела мужскую рубашку, найденную в шкафу Каэлана - плотный темный шелк, пахнувший им, - и забилась в самый угол гигантской кровати.

Она не сомкнула глаз. Она лежала в логове своего врага, вдыхая его запах, сжимая в объятиях камень, который был ключом к ее магии, и прислушивалась. Из-за стены, где находился кабинет, не доносилось ни звука. Каэлан Вейн тоже не спал. Она знала это инстинктивно. Он сидел там, в темноте, удерживая свою лунную лихорадку на коротком поводке, сплетая свои ртутные нити, готовя их к завтрашнему бою.

Два разрушенных человека, разделенные одной стеной и десятилетиями ненависти.

Ночь истаяла, сменившись блеклым, серым утром. Первые лучи солнца, процеженные сквозь плотный смог столицы, мазнули по черному мрамору пола.

Лира сидела на краю постели, уставившись в пустоту, когда тишину покоев разорвал звук.

Жесткий, требовательный стук в парадные двери крыла командующего.

Дверь кабинета тут же распахнулась. Каэлан, все в том же безупречном мундире, словно и не провел бессонную ночь в кресле, пересек зал. Он бросил на Лиру один-единственный, предупреждающий взгляд, приказывая ей оставаться в тени, и отпер замки.

В коридоре, низко склонив головы, стояли слуги. А за их спинами - целая свита дворцовых портних, нагруженных бархатными кофрами, блестящими шелками и шкатулками.

- Доброе утро, командующий Вейн, - произнес старший слуга, не смея поднять глаз. - Его Величество Император извещен о вашем... неожиданном счастье. Нам приказано подготовить леди Валериус. Двор жаждет увидеть вашу избранницу на сегодняшнем утреннем приеме.

Каэлан чуть повернул голову, глядя вглубь своих покоев, туда, где в полумраке спальни Лирания Эмбервинд сжимала в побелевших пальцах первородный огонь своего мертвого рода. Маскарад теней начался.

Глава 2. Маскарад теней

Свита портних ворвалась в покои командующего, словно стая накрахмаленных, щебетающих стервятников, вооруженных метрами шелка и бархата. Они заполнили стерильное пространство кабинета суетой, запахами лавандовой пудры и звенящим лязгом ножниц, мгновенно нарушив строгую геометрию личной территории Каэлана Вейна.

Лира, все еще одетая в его безразмерную темную рубашку, вжалась в спинку кожаного дивана. Ее мышцы рефлекторно напряглись, готовые к прыжку. Уличный инстинкт вопил о необходимости достать клинок и проложить себе путь к выходу, но клинков у нее больше не было, а Королевская печать Огня, надежно спрятанная в складках брошенного на кресло пледа, лишь тихо пульсировала, наполняя ее тело жизненно необходимым теплом.

- Командующий, леди Валериус выглядит... измученной дорогой, - старшая портниха, сухая женщина с лицом, напоминающим печеное яблоко, критически окинула Лиру взглядом. Ее глаза задержались на спутанных медно-рыжих волосах и синяках, расцветших на скулах девушки после вчерашнего обвала. - Боюсь, нам потребуется пара часов, чтобы привести ее в подобающий вид. Ванны с маслами, укладка, корсет...

- Оставьте платья и выйдите, - голос Каэлана прозвучал негромко, но в нем лязгнула сталь гильотины.

Женщины замерли на полуслове. Щебетание оборвалось.

- Но, сир, Его Величество ожидает...

- Вы ослышались, мадам? - Каэлан даже не повернул головы в ее сторону, продолжая стоять у панорамного окна со сложенными за спиной руками. Серебряные узоры на его шее тускло мерцали в утреннем свете. - Моя невеста не переносит столичной суеты. Я сам подготовлю леди Лиранию к ее первому выходу. Оставьте нас.

Портнихи, побледнев, торопливо разложили на огромной кровати в спальне несколько вариантов тяжелых, расшитых бисером нарядов, выставили шкатулки с косметикой и бесшумно испарились за дверью, словно их сдуло сквозняком.

Как только щелкнул замок, Каэлан отвернулся от окна. Его серо-стальной взгляд сфокусировался на Лире.

- Вставай.

Она медленно поднялась, скрестив руки на груди, намеренно пряча почерневшие кисти в широких рукавах его рубашки. Тепло от Печати разливалось по венам, но пальцы все еще хранили цвет мертвой золы - клеймо ее магии, которое невозможно было смыть ни мылом, ни горячей водой.

- Решил лично затянуть мне корсет, цепной пес? - в ее голосе яд смешивался с нервным напряжением. - Или боишься, что я перережу горло одной из этих куриц шпилькой для волос?

- Я боюсь, что их магические амулеты засекут энтропию твоего распада прежде, чем ты успеешь открыть рот, - Каэлан подошел к столу и открыл небольшой металлический несессер. Внутри тускло блеснули ряды стеклянных флаконов. - Иди сюда. Нам нужно скрыть следы твоего Серого хлада.

Лира недоверчиво сузила глаза, но сделала несколько шагов вперед.

Командующий извлек из футляра плоскую баночку темного стекла и пару длинных, выше локтя, перчаток из тончайшего, почти прозрачного черного шелка, прошитого серебряной нитью.

- Дай руки.

Это прозвучало как приказ. Лира стиснула челюсти, но подчинилась, вытянув вперед свои изуродованные магией кисти. Контраст между девственно-белыми рукавами рубашки и ее абсолютно черными, словно обугленными пальцами был пугающим.

Каэлан открыл крышку баночки. Внутри оказалась густая, перламутровая мазь, пахнущая ментолом и толченым мелом. Он зачерпнул немного состава двумя пальцами и, не спрашивая разрешения, взял ее левую руку.

Прикосновение его холодной, гладкой кожи к ее горячим, благодаря Печати, пальцам вызвало мгновенную искру. Это был не тот разрушительный резонанс, что разнес хранилище, а скорее его фантомное эхо - тихий, зудящий гул в воздухе, от которого по рукам Лире побежали мурашки. Металл в крови командующего отреагировал моментально: узоры на его скулах вспыхнули ярче, сигнализируя о конфликте двух противоположных энергий.

Каэлан лишь плотнее сжал челюсти и начал методично, с пугающей тщательностью втирать мазь в ее черную кожу.

- Это алхимическая амальгама, - пояснил он ровным, почти гипнотическим тоном, игнорируя то, как Лира инстинктивно пытается выдернуть руку. - Она блокирует магическое излучение. Ни один радар при дворе не почувствует запах пепла. Но она не изменит цвет. Тебе придется носить перчатки не снимая.

Его пальцы двигались с расчетливой точностью: по костяшкам, вдоль темных вен на тыльной стороне ладони, между фалангами. Мазь обжигала холодом, впитываясь в поры. Лира смотрела на его опущенную голову, на идеально ровный пробор в платиновых волосах, и чувствовала, как к горлу подкатывает странный, удушливый ком. Враг. Убийца ее народа. И он же сейчас с почти клинической заботой прячет ее уязвимость.

- Почему ты просто не сдал меня? - слова сорвались с ее губ быстрее, чем она успела их обдумать. - Ты мог бы стать героем Империи.

Каэлан остановился. Его взгляд медленно поднялся, встретившись с ее золотисто-кариими глазами. В них не было привычной имперской надменности, лишь глубокая, выжженная пустота человека, давно потерявшего веру в свои собственные идеалы.

- Империя не нуждается в героях, Лирания. Она нуждается в чистке, - он перешел к ее правой руке. - Малакар и его свора аристократов превратили порядок в тиранию. Я поклялся защищать государство, а не безумие одного старика. И если для того, чтобы вырезать эту опухоль, мне нужно вступить в союз с хаосом, - он чуть сильнее сдавил ее запястье, - я это сделаю.

Закончив с мазью, он взял черные шелковые перчатки. Ткань скользнула по ее коже, скрывая уродливую черноту под элегантной, строгой фактурой. Серебряные нити в шелке слабо мерцали, отражая свет.

- Теперь осанка, - Каэлан отступил на шаг, критически оглядывая ее. - Ты стоишь так, будто под твоими ногами не дворцовый паркет, а гнилые доски Нижнего города. Плечи напряжены, спина сутулена, вес перенесен на носки. Ты готова либо бежать, либо бить в горло.

- А что, при дворе Малакара есть другие варианты? - огрызнулась она.

- При дворе Малакара бьют в спину с вежливой улыбкой, - парировал Вейн.

Он обошел ее кругом, словно оценивая скульптуру. Лира почувствовала себя неудобно под этим тяжелым, вычисляющим взглядом.

Внезапно его ладони легли на ее плечи, заставив ее вздрогнуть.

- Не дергайся, - тихо произнес он прямо над ее ухом. Запах озона и холодного металла ударил в ноздри. Большие пальцы Каэлана легли по обе стороны от ее позвоночника, между лопатками, с силой надавив. - Разверни грудную клетку. Подними подбородок. Выше. Еще выше.

Лира нехотя выпрямилась, чувствуя, как хрустнули позвонки.

- Ты прячешь шею, как загнанный волчонок. Открой ее. Имперская аристократия - это хищники. Если они увидят, что ты защищаешь свои уязвимые места, они решат, что ты боишься. А ты не должна бояться. Ты - леди с Севера, выросшая среди льдов. Ты должна смотреть на них так, словно они грязь на твоих сапогах.

Его руки скользнули с ее плеч на талию, жестко фиксируя корпус. Лира шумно втянула воздух. Физическая близость этого человека, пульсация его токсичной магии и жар Печати внутри нее создавали взрывоопасный коктейль.

- Серебряный двор подчиняется геометрии, Лирания, - его голос стал еще тише, вибрируя в самом пространстве между ними. - Каждый шаг, каждый жест выверен. Здесь не ходят. Здесь скользят.

Не убирая правой руки с ее талии, левой он перехватил ее облаченную в перчатку кисть. Прежде чем Лира успела возмутиться, Каэлан сделал шаг вперед, вынуждая ее отступить.

- Что ты делаешь?!

- Учю тебя дышать в их ритме, - отрезал командующий. - Шаг. Раз. Два. Три.

Он повел ее по гладкому черному мрамору кабинета, не включая музыку, подчиняясь лишь метроному, звучащему в его собственной голове. Это был не танец. Это было принуждение. Каэлан вел жестко, безапелляционно, заставляя Лиру подстраиваться под его широкие, идеально точные шаги.

Она попыталась вырваться, но его пальцы на ее талии сжались сильнее, почти до синяков.

- Отпусти меня, - прошипела она, споткнувшись и намеренно наступив тяжелым армейским сапогом, который так и не сняла, на его безупречный туфель.

Вейн даже не поморщился. Он резко, силой притянул ее к себе, сократив дистанцию до минимума. Их грудные клетки столкнулись. Лира задыхнулась от возмущения, но в этот момент жар Печати Огня внутри нее снова резонировал с ледяным серебром его тела. Воздух вокруг них заискрился статической магией, пахнувшей озоном и жженой золой.

- Ты не на улице, Ищейка! - в его глазах вспыхнул гнев, холодный и безжалостный. - Если ты будешь дергаться так же в бальном зале, нас раскроют через пять минут. Они ждут, что ты будешь смотреть на меня с обожанием. Они ждут, что мы - единое целое. Подчинись ритму.

Лира стиснула зубы до боли в скулах. Она посмотрела прямо в эти нечеловеческие, стальные глаза. В ней кипела ненависть - густая, горячая, вскормленная пеплом десятилетней давности. Но за этой ненавистью стоял холодный рассудок. Он был прав. Она должна стать тенью, чтобы выжить.

- Хорошо, - выплюнула она, вскидывая подбородок еще выше. - Веди, генерал.

Она перестала сопротивляться физически, но вся ее поза была натянутой струной. Они сделали еще несколько кругов по кабинету в гнетущей, звенящей тишине. Это был странный, болезненный танец двух хищников, вынужденных делить одну клетку. Лира чувствовала каждое движение его мускулов под строгим мундиром, идеальную координацию, не оставляющую места для случайности. И, к своему ужасу, она начала улавливать этот ритм. Геометрия империи оказалась пугающе логичной.

- Достаточно, - Каэлан внезапно остановился и выпустил ее из захвата так же резко, как и схватил. Диссонанс разорвался, оставив Лиру жадно глотать воздух. - Иди в спальню. Оденься. Синее платье из тяжелого бархата. Волосы оставь распущенными, просто убери их со лба. У тебя пятнадцать минут.

Она не стала спорить. Развернувшись на каблуках, Лира скрылась в спальне.

Одевание превратилось в сражение с тканью и шнуровками. Платье, выбранное для нее, было великолепно и безжалостно. Темно-индиговым бархат, такой густой, что казался почти черным, поглощал свет. Крой был строгим, закрытым под самое горло, с длинными рукавами и жестким корсетом, закованным в серебряные пластины. Это была броня, замаскированная под роскошь.

Лира спрятала Королевскую печать Огня в потайной внутренний карман, пришитый к нижней юбке, - единственная модификация, которую она успела сделать грубыми стежками. Тяжесть камня у бедра успокаивала, напоминая о том, ради чего она терпит этот фарс.

Когда она вышла обратно в кабинет, Каэлан уже стоял у дверей. На его плечах покоился парадный серебряный плащ гвардии, а на груди мерцали угловатые ордена Империи.

Он повернул голову, и на секунду его непроницаемое лицо дрогнуло. Взгляд стальных глаз скользнул по ее фигуре - от медных прядей, контрастирующих с темным бархатом, до идеальной осанки, которую она держала на чистой, упрямой злости. Уличная крыса исчезла. Перед ним стояла смертоносная, затянутая в шелк и серебро леди, чья красота была острой, как лезвие бритвы.

- Ты готова? - сухо спросил он, не позволяя себе ни малейшего комплимента.

- Готова перерезать им глотки, - ровно ответила Лира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.